

18+

М.Тати

Давай
научимся жить?

М. Тати

Давай научимся жить?

<https://litres.ru/74375264>

ISBN 9785007107204

Аннотация

Эмма знает: времени почти не осталось. Дни для неё — не радость, а горькое напоминание о неизбежном. Она привыкла жить в ожидании: донора, новостей, смерти — и не позволять себе надежд.

Всё меняется, когда она встречается Питера: он тоже болен, но будто обрёл целую вечность. Он учит её мечтать, хоть и сам не знает, увидит ли будущее.

Теперь Эмме предстоит выбрать: прятаться от жизни или рискнуть и позволить себе её прожить.

Но какова цена этого шанса?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	49
Глава 7	59
Глава 8	68
Глава 9	75
Глава 10	87
Глава 11	99
Глава 12	112
Глава 13	124
Глава 14	129
Глава 15	142
Глава 16	152
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Давай научимся жить?

М. Тати

© М. Тати, 2026

ISBN 978-5-0071-0720-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пусть моя история не будет о болезни.

*Пусть она будет о людях, которые не дали мне
сдаться.*

Глава 1

Сердце — единственный орган, который может разбиться ещё до того, как перестанет биться.

Я ненавижу людей, которые считают, что сердце — символ любви, ведь они никогда не слышали, как оно умирает. Когда здоровый человек ложится спать, он слышит тишину. Когда ложусь я — слышу себя. Тук. Тук. Тук. Каждый удар словно спрашивает: ну что? Сегодня ещё поработаем?

Открыв глаза раньше будильника, я увидела, что потолок всё ещё был белым. Не просто белым — больничным. Таким белым, который со временем перестаешь замечать, потому что он становится частью тебя. Я знала каждую едва заметную трещину возле вентиляционной решетки. Знала желтоватое пятно в правом углу, которое маляры почему-то так и

не закрасили. Иногда, когда бессонница затягивалась до самого рассвета, я придумывала этим трещинам названия, соединяла их в созвездия и представляла, будто это карта какого-то другого мира. За восемь месяцев потолок видел меня чаще, чем собственный отец. И, наверное, знал обо мне гораздо больше. За окном только начинало светлеть. Где-то далеко гудел вертолёт. Медсестра уже катила по коридору тележку с лекарствами. Колёсико на ней скрипело. Каждое. Чёртово. Утро. Скрип. Скрип. Скрип.

— Моррис... — услышала я за дверью, и по одному только голосу уже поняла, что Лора, как всегда, решила начинать утро с той спокойной настойчивости.

Я тут же натянула одеяло на голову, демонстративно проваливаясь обратно в сон, которого, разумеется, уже не было и в помине.

— Эмма, я ведь прекрасно знаю, что ты не спишь, так что можешь даже не пытаться изображать из себя умирающую принцессу, потому что этот спектакль я вижу у тебя едва ли не каждое утро.

Я недовольно высунула лицо из-под одеяла и приоткрыла один глаз.

— Докажите, — пробормотала я, с привычной хрипотцой в голосе, которой сама не особенно гордилась, но и менять её по утрам не собиралась.

Дверь открылась, и Лора вошла в палату с видом человека, который давно привык к моему отвратительному утрен-

нему характеру и, кажется, воспринимал его почти как часть интерьера.

— Доброе утро, — сказала она, ставя ладонь на ручку двери и окидывая меня тем самым взглядом, в котором уже ранее читалось, что спорить со мной она не собирается, но и уступать не планирует.

Я медленно моргнула и, зарываясь обратно в одеяло, ответила с самым искренним отсутствием энтузиазма, на которое только была способна.

— Для кого угодно, может быть, и доброе, но точно не для меня, так что, боюсь, это утро совершенно не относится к моей личной категории приятных событий.

Лора закатила глаза, хотя в уголках её губ уже мелькала улыбка.

— Опять, Эмма? — протянула она, складывая руки на груди и с явным терпением ожидая, пока я перестану изображать страдание мирового масштаба.

Я даже не открыла второй глаз.

— А вы что, правда надеялись увидеть от меня что-то другое, кроме хронического недовольства, тяжёлого взгляда и полного отсутствия желания радоваться жизни до первой чашки кофе?

Она тихо рассмеялась — именно так, как смеются люди, которым уже давно всё понятно, но они всё равно каждый день делают вид, будто у нас с ней обычная утренняя перепалка, а не привычный маленький ритуал.

На самом деле именно Лора однажды держала меня за руку четыре часа подряд, пока врачи пытались остановить аритмию, и такие вещи не стираются из памяти, как бы ты потом ни пытался спрятаться за колкостью, раздражением или вечным желанием послать всех подальше.

Лора поставила пластиковый стаканчик на тумбочку с такой осторожностью, будто внутри лежали не горсть разноцветных таблеток, а нечто действительно хрупкое и драгоценное, и я сразу же посмотрела на него с тем самым выражением лица, с каким обычно смотрят на приговор, который снова приходится принимать каждый день.

— Что сегодня? — спросила я, подцепив взглядом маленькую белую капсулу и лениво покачивая головой, словно это могло хоть как-то изменить её вкус.

— Всё то же самое, что и обычно, потому что твой режим лечения, к сожалению, не имеет привычки меняться по первому требованию пациентки.

— Неужели за восемь месяцев никто в этой больнице так и не догадался придумать хотя бы что-нибудь, что не будет на вкус как наказание за все мои прошлые грехи?

Лора усмехнулась, медленно прислонившись бедром к тумбочке и всё ещё наблюдая за мной с тем спокойствием, которое меня, как назло, только сильнее бесило.

— Ты задаёшь мне этот вопрос каждое утро с таким упорством, будто однажды я действительно достану из кармана волшебную таблетку и скажу, что сегодня всё будет вкуснее,

легче и веселее, чем обычно.

Я посмотрела на неё исподлобья.

— А я каждый день надеюсь, что именно сегодня вы наконец-то решите меня удивить.

Она тихо хмыкнула и покачала головой.

— Надежда, между прочим, умирает последней.

Я скривилась, беря стаканчик в руки.

— В вашей больнице она вообще, кажется, не умирает, а только постоянно меняет палаты и проходит какое-то бесконечное восстановление, потому что уж очень живучая здесь атмосфера.

Лора только усмехнулась, а я, не желая больше растягивать это утреннее унижение, закинула таблетки в рот, запила их водой и тут же поморщилась, потому что каждый новый раз они почему-то казались мне ещё горше, чем в прошлый, словно организм постепенно мстил мне за сам факт существования.

Лора уже почти развернулась к двери, но вдруг остановилась.

— Кстати, сегодня у нас новенький.

Я лениво приподняла глаза.

— Очередной?

Она только покачала головой, всё с той же терпеливой, почти ласковой насмешкой, которая всегда выводила меня из себя ровно настолько, насколько ей, вероятно, и было нужно.

— Не будь букой, Эмма, потому что, судя по твоему лицу,

ты и так уже проснулась с решением ненавидеть весь мир до конца моей смены.

Я медленно откинулась на подушки и скептически прищурилась.

— И надолго он к нам?

Она пожала плечами. Конечно, здесь никто никогда не знает. Кто-то задержится на неделю, а кто-то — на год. А кто-то может исчезнуть уже завтра.

Дверь закрылась. Я ещё минуту смотрела в потолок. Потом медленно села. Сердце тут же отозвалось. Словно внутри грудной клетки кто-то поставил бетонный блок. Дышать стало тяжелее. Я дождалась, пока всё немного отпустит и только потом поднялась. Правило номер один. Никогда не вставать резко. Иначе можно познакомиться с полом. Снова.

Я подошла к зеркалу. Из отражения на меня смотрела девушка с бледной кожей, настолько светлой, что на предплечьях отчетливо проступали тонкие голубые вены. Руки всегда казались слишком худыми, будто кто-то забыл добавить им жизни. Когда-то я пыталась заниматься спортом, мечтая, что они станут сильнее, но очень быстро поняла: сердце не разделяет моих амбиций.

Под глазами залегли привычные тени, а волосы торчали в разные стороны, словно всю ночь спорили с подушкой. Я машинально коснулась маленького светлого рубца под левой ключицей. Восемь сантиметров. Когда-то здесь установили кардиовертер-дефибриллятор. Врачи называли его моим ан-

гелом-хранителем. Я — запасным планом на случай, если сердце однажды забудет, как работать.

— Красота, — тихо пробормотала я своему отражению.

Зеркало промолчало. Через полчаса я уже шла по коридору. Если моё движение можно было назвать словом «шла». Скорее... Медленно договаривалась с собственными лёгкими. По пути здоровалась со всеми.

— Привет, мистер Томпсон.

— Доброе утро, хулиганка.

— Это клевета.

— Вчера кто угнал инвалидную коляску?

— Она сама захотела свободы.

Старик рассмеялся, а я ответила ему лёгкой улыбкой. Пока не пришлось остановиться отдышаться. Вот это я ненавижу больше всего. Не болезнь. Не боль. Не таблетки. А такие моменты, когда хочешь засмеяться... И внезапно перестаёт хватать воздуха. Будто тело напоминает: не забывай, кто здесь главный.

Когда я вошла в гостиную, запах кофе ударил в нос раньше, чем я успела переступить порог. Кто-то смеялся. Кто-то громко ругался с поваром. Кто-то опять включил музыку, которую терпеть не могла Лора. Значит, все были на своих местах. Дом проснулся и все занимались привычными делами.

Пока двери лифта не открылись и в холл не вошёл парень. Высокий. Худой. В кислородной канюле. С рюкзаком

через плечо. Он медленно оглядел помещение. Потом перевёл взгляд на меня и улыбнулся.

— Ну и кто здесь главный из отряда самоубийц?

Я подняла бровь.

— Смотря по каким способностям.

В коридоре засмеялись все, кроме меня. Он подошёл ближе и протянул руку.

— Питер.

Я посмотрела на его ладонь. У него были длинные пальцы. Слишком бледные. На костяшках — едва заметные царапины, будто совсем недавно он пытался починить что-то собственными руками.

— Здесь никто не знакомится.

Глава 2

Иногда самые счастливые люди прячут самые глубокие шрамы.

После завтрака больница оживала. Врачи расходились по отделениям, медсестры спешили с планшетами и тележками, из палат доносились приглушенные голоса телевизоров. В детском крыле кто-то уже смеялся так громко, что даже здесь было слышно. Смех в больнице всегда казался странным. Слишком живым для места, где каждый день кто-то получал плохие новости.

Я медленно шла по длинному коридору, привычно касаясь ладонью стены. Так было легче сохранять равновесие, когда сердце начинало капризничать. Иногда казалось, будто оно специально выбирает самые неподходящие моменты, чтобы напомнить о себе. Где-то играло радио и слышался прогноз погоды, а за большим окном медленно кружились первые желтые листья. Осень только начиналась.

— Доброе утро! — раздался знакомый голос.

Я даже не подняла голову.

— Оно станет добрым только после кофе.

— Неправда. Оно станет добрым после конфеты.

Я усмехнулась. Конечно, это была Мия. Она сидела на широком подоконнике, скрестив ноги, и сосредоточенно пере-

бирала содержимое своей любимой коробки. На ней были ярко-желтые носки с улыбающимися авокадо — подарок одной из медсестер. Никто, кроме Мии, не смог бы надеть их с таким удовольствием.

— Ты опять ешь сладкое? — спросила я, присаживаясь рядом.

Мия с таким выражением посмотрела на коробку, будто только сейчас заметила её существование.

— Нет.

Я молча подняла бровь.

— Хорошо. Ем. Но ведь уже восемь утра.

Она достала красный леденец и протянула его мне.

— Будешь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне не пять лет.

— А мне шестнадцать, ну и что?

— Вот именно.

Она звонко рассмеялась. Я всегда удивлялась тому, как легко ей удавалось смеяться. Не коротко улыбаться из вежливости, а именно смеяться — громко, искренне, запрокидывая голову назад. Когда мы познакомились, я даже решила, что врачи ошиблись палатой. Не может человек с тяжелым заболеванием костей смеяться так много. Позже оказалось, что может. Именно такие смеются чаще остальных.

— Знаешь, — сказала Мия, разворачивая еще одну кон-

фету, — когда я была маленькой, мама вообще не разрешала мне сладкое.

— Почему?

— Потому что я занималась художественной гимнастикой.

— Серьезно?

— Ага.

Она вытянула вперед ногу и с гордостью добавила:

— Представляешь, я садилась на все шпагаты.

Я невольно улыбнулась. Сейчас сложно было представить Мию в огромном спортивном зале. Худенькая, немного уставшая, с синяками от постоянных анализов на руках. Но в её голосе не было ни капли сожаления.

— Потом заболела, — спокойно продолжила она. — И мама впервые принесла мне шоколадку прямо в палату. Сказала: «Теперь можно.»

Она улыбнулась. Только улыбка вдруг стала совсем другой. Намного тише.

— И знаешь, оказалось, что шоколад намного вкуснее, когда его долго запрещали.

Несколько секунд мы молчали. Я смотрела в окно. Она — на конфету в своих руках.

— Поэтому теперь ты ешь их каждый день?

— Конечно.

— Не боишься растолстеть?

Мия громко фыркнула.

— Эмма, если однажды назначат операцию, честное слово, первое, что я сделаю после выписки, — съем огромный клубничный торт. Целиком.

— Ты его не осилишь.

— Тогда половину.

— Всё равно не осилишь.

— Значит, позову тебя.

Я тихо улыбнулась.

— Чтобы я помогла?

— Нет. Чтобы ты наконец перестала считать калории.

Я ничего не ответила. Мия давно считала, что я не люблю сладкое. Вернее, любила повторять всем подряд, что я «одержима фигурой» и однажды умру не от сердца, а от салатных листьев. Я никогда её не переубеждала. Пусть думает. Правда была куда проще.

Доктор Брукс разрешал ей сладкое, но строго ограничивал количество. Не больше трёх конфет в день. Она постоянно делала вид, что соблюдает это правило, хотя каждая новая упаковка леденцов заставляла её глаза светиться так, будто ей подарили билет в Диснейленд. Мне тоже полагались ограничения. Одна чашка кофе в день. Минимум соли. Минимум кофеина. Минимум всего, что приносило удовольствие. Наверное, именно поэтому мы так хорошо понимали друг друга. Каждая из нас научилась радоваться мелочам. У неё это были разноцветные конфеты. У меня — утренний латте.

— Пойдём за кофе? — спросила я, осторожно спрыгивая

с подоконника.

Вопрос был скорее привычкой, чем настоящим. Каждое наше утро было расписано почти по минутам. Завтрак. Кофе. Потом кто-нибудь обязательно спорил с поваром. Затем обход врачей. Анализы. Процедуры. После обеда — гостиная или библиотека. Вечером фильмы, настольные игры или разговоры до отбоя. За восемь месяцев этот распорядок въелся в память настолько, что иногда мне казалось: если однажды его нарушить, сама больница этого не переживёт.

Мия бережно прижала к груди свою коробку с конфетами, словно внутри лежало что-то невероятно ценное, и догнала меня уже через пару шагов. Она всегда ходила быстрее. Иногда мне приходилось просить её идти медленнее, но чаще она сама незаметно подстраивалась под мой темп. Никогда не говорила об этом вслух. Просто в какой-то момент её шаг становился короче. Я делала вид, что не замечаю. Она делала вид, что делает это случайно. Наверное, дружба и состояла из таких маленьких молчаливых уступок.

Возле кофемашины уже стояла небольшая очередь. Пожилой мужчина пытался разобраться, почему аппарат упорно выдаёт ему горячую воду вместо капучино, а медсестра Лора, смеясь, объясняла ему, что сначала всё-таки нужно поставить стакан.

— Современные технологии не для моего возраста, — буркнул он.

— Для вашего возраста как раз придумали кнопки по-

крупнее, — улыбнулась Лора.

Когда подошла наша очередь, Мия безошибочно нажала кнопку латте. Она знала мой выбор лучше меня самой.

— Уже успела увидеть новенького? — спросила Мия, чуть наклонив голову и наблюдая за тем, как тонкой, почти прозрачной струйкой в бумажный стакан льётся кофе, словно это простой утренний ритуал.

Я неопределённо пожала плечами, не сразу находя в себе желание говорить что-то более содержательное, потому что сам по себе новенький пока не успел вызвать у меня ни особого интереса, ни тем более желания расписывать о нём впечатления.

— Видела, — сказала я наконец, чуть сдвинув стакан к себе и всё ещё смотря на кофе, который почему-то в этот момент казался единственным действительно нормальным предметом в этом отделении.

Мия вопросительно подняла бровь, явно ожидая продолжения.

— И? Симпатичный?

Я сделала короткий глоток, прежде чем ответить.

— Точно не Джейкоб.

Мия закатила глаза с таким видом, будто именно этого ответа от меня и следовало ожидать.

— Эмма, ты действительно считаешь, что это всё, что ты можешь сказать о человеке, который только что появился в нашем отделении, или всё-таки тебе нужен глоток кофе?

Я взяла стакан из её рук, чуть сильнее обхватила его пальцами и вдохнула запах кофе, горячего, терпкого и с той едва уловимой горечью, которая почему-то всегда казалась мне утешительнее всего остального, и, наверное, если бы счастье вообще имело запах, для меня оно пахло бы именно так — чем-то тёплым и обжигающим.

— Он напомнил мне прыжок с высоты без парашюта, — сказала я наконец, и сама слышала в собственном голосе ту осторожную неприязнь, которой обычно пытаюсь прикрыть всё, что задевает меня сильнее, чем я готова признать.

Мия тихо рассмеялась, но уже через секунду её улыбка заметно потускнела, потому что она слишком хорошо знала меня, чтобы не почувствовать, когда я начинаю отстраняться.

— Это настолько плохо?

— Конечно, да.

Мия сразу перестала улыбаться. Не резко, не обиженно — скорее так, как перестают улыбаться люди, которые внезапно понимают, что перед ними уже не просто шутка, а что-то куда более упрямое и привычное, почти защитное.

— Эмма... — произнесла она с тихим упрёком, осторожно покачав головой.

Я подняла на неё взгляд, уже заранее зная, что сейчас прозвучит та самая фраза, которую я ненавижу слышать от неё больше всего.

— Что?

Она смотрела на меня очень спокойно, но в этом спокойствии было что-то болезненно точное, потому что Мия всегда умела говорить самые неприятные вещи так, будто они произносятся не для того, чтобы задеть, а чтобы наконец заставить меня услышать.

— Ты снова строишь вокруг себя стену.

Я чуть сильнее сжала стакан и пожала плечами, стараясь сделать вид, будто это не имеет ко мне никакого отношения, хотя внутри у меня уже начинало неприятно тянуть.

— Она работает, — ответила я так же тихо, как и она, словно речь шла не о чувствах, а о каком-то вполне практическом и полезном инструменте, который я давно научилась считать необходимым.

Мия чуть склонила голову набок и посмотрела на меня с тем бесконечно терпеливым выражением, которое у неё появлялось всякий раз, когда она уже всё поняла, но всё равно не собиралась отступать.

— Нет, — мягко возразила она, и в её голосе не было ни капли злости, только тихая, очень точная правда. — Она не работает, Эмма, она просто делает тебя одинокой, и, кажется, ты уже слишком долго делаешь вид, что это одно и то же.

Глава 3

Врачи лечат тело. Друзья делают так, чтобы оно хотело бороться.

Я никогда не понимала людей, которые просыпаются счастливыми. Наверное, для этого нужно иметь какую-то особенную способность — открывать глаза и сразу верить, что сегодняшний день окажется лучше вчерашнего. В больнице такой талант был настоящей суперсилой. Здесь даже врачи не давали обещаний, а пациенты давно перестали строить планы дальше следующего обследования. Поэтому каждый раз, когда я видела своих друзей, мне казалось, что они каким-то образом обманули этот мир.

Они сидели на диванах в комнате отдыха. Именно тут мы обычно встречаемся после процедур.

— Ты опять считаешь свои сокровища? — спросила я, наконец заходя в комнату.

Мия моментально подарила улыбку — настолько искреннюю, что я каждый раз невольно задавалась вопросом, не устает ли она улыбаться.

— Не сокровища, а коллекцию, — с притворной обидой ответила она и бережно поставила коробку себе на колени.

— Между прочим, две недели назад её пополнил доктор Брукс.

— Доктор Брукс?

— У него в кабинете лежали пластыри с капибарами. Я сказала, что никогда таких не видела. Он сначала отказал, а потом всё-таки отдал целую упаковку. Вот, смотрите. — она вытащила несколько из коробки, протянула одну мне, а другую тыкнула Майку прямо перед его очками.

— Очень мило, — натянув улыбку, я положила пластырь обратно ей в коробку.

Каждый раз, когда я видела её коллекцию, меня поражало одно и то же: Мия действительно хранила пластыри так, будто это были дорогие украшения. Маленькие упаковки были аккуратно разложены по цветам. Здесь были динозавры, ленивцы, космос, котята, арбузы, облака, сердечки, единороги и даже маленькие акулы в солнечных очках. Некоторые упаковки выглядели совершенно новыми, другие были уже вскрыты, но даже их она складывала так бережно, словно боялась помять.

— Ты ведь понимаешь, что они нужны, чтобы заклеивать раны? — спросил Майк.

— Конечно.

— Тогда почему ни один из них не использован?

Мия улыбнулась так, словно ждала этого вопроса.

— Потому что жалко.

Я рассмеялась.

— Жалко? — Майк отложил свою книгу и посвятил всё своё внимание Мии.

— Ну да. Представь, если я сейчас наклею пластырь с пандой на палец, через два дня его придется снять. И всё. Панды больше не будет.

— Это самый странный ответ, который я слышал за последнее время.

— Зато честный.

Я покачала головой. Иногда мне казалось, что Мия живет в совершенно другой вселенной. В той, где не существовало капельниц, результатов анализов и бесконечных разговоров о донорах. Она словно упрямо выбирала замечать только то, что делало этот мир хоть немного красивее. Наверное, именно поэтому её любили все. Медсёстры приносили ей наклейки, врачи привозили из отпусков необычные пластыри, а пациенты, выписываясь домой, оставляли маленькие сувениры, если случайно находили что-то необычное. Все обращались с ней, как с ребёнком, ведь она так себя вела. Наивно, игриво и порой через чур позитивно. Хотя я была её на год старше.

Один мальчик перед пересадкой костного мозга подарил ей пластырь с динозавром и сказал, что обязательно заберёт его обратно, когда вернётся. Он так и не вернулся.

Я знала, что Мия до сих пор хранит тот пластырь отдельно от остальных. Она никогда об этом не говорила. И никто её об этом не спрашивал. В нашей больнице существовало негласное правило: если человек молчит о своей боли, значит, он ещё не готов делиться ею.

— Хочешь выбрать себе один? — неожиданно спросила Мия, придвигая к Майку коробку.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне семнадцать лет.

— И что?

— Мне не нужны пластыри с котиками.

Она посмотрела на него с такой серьёзностью, будто он только что сказал самую большую глупость в своей жизни.

— Эй, ведь скоро ваше день рождение!

— Да, меня не будет, — Майк снова взялся за книгу. — Отец хочет отвези меня куда-то.

Мия сразу же надула губы. Я лишь пожала плечами. У Майка болезнь почек, и она требует регулярного посещения врача, наблюдения и лечения. Он не обязан каждый день приходить к нам в больницу, но как однажды он мне сказал: «Попав сюда, тяжело уйти». Конечно, он имел ввиду нас. Нашу четвёрку. Мы всегда держались вместе и поддерживали друг друга, несмотря даже на то, что кто-то пришёл раньше остальных.

— Жаль, я думала, что вы вдвоём задуете свечи, — Мия аккуратно складывала пластыри обратно в коробку.

— Ничего страшного, задует в следующем году, — Майк ласково приобнял её за плечо.

Конечно, возможно следующего года не будет, но в нашей компании запрещено такое говорить. Я взглядом поймала

его тёмно-серые глаза, которые, как всегда, молчали.

Майк всегда выигрывал в эти молчаливые переглядки. Казалось, если устроить соревнование «кто дольше сможет ничего не говорить», он бы взял золото. Он никогда не казался грустным. И счастливым тоже. Иногда мне вообще приходило в голову, что он научился прятать эмоции настолько глубоко, что сам забыл, где именно их оставил. Наверное, именно поэтому многие в отделении считали его высокомерным.

На самом деле это было совсем не так. Когда кому-то становилось плохо ночью, Майк первым нажимал кнопку вызова медсестры. Когда у кого-то выпадали волосы после очередного курса лечения, он молча приносил колоду карт и предлагал сыграть, будто ничего не изменилось. Если новенький боялся идти на процедуру, Майк просто садился рядом и ждал, пока тот сам не заговорит.

Он никогда не говорил правильных слов. Зато всегда оказывался рядом в правильное время. Наверное, этого было достаточно. Единственное, что действительно оживляло его лицо, — книги. Когда ему дарили новую, он не начинал прыгать от радости, как Мия, не обнимал человека и не благодарил десять раз подряд. Он лишь осторожно проводил ладонью по обложке, будто здоровался со старым другом, тихо говорил: «Спасибо» и почти незаметно улыбался. Посторонний человек никогда бы этого не заметил. Но мы замечали.

Мы вообще научились замечать то, на что другие не обращают внимания. Потому что в больнице улыбка длиной в

одну секунду иногда значила больше, чем час смеха.

Я до сих пор помню один вечер. Тогда Майк ещё жил этажом выше, в палате, окна которой выходили на внутренний двор. Я возвращалась после обследования и уже собиралась пройти мимо, когда услышала чей-то голос. Сначала мне показалось, что в палате кто-то есть. Потом я прислушалась. Читал сам Майк. Дверь была приоткрыта. Совсем немного. Я не собиралась подслушивать. Честно. Но ноги почему-то остановились сами.

Он сидел в большом кресле-мешке, поджав под себя одну ногу. За окном шёл дождь, и капли медленно стекали по стеклу, размывая вечерние огни города. На коленях лежала потрёпанная книга с зелёной обложкой.

— «Пауки...» — серьёзно прочитал он. — «Почему не бабочки?» Он вдруг рассмеялся. Не усмехнулся. Не улыбнулся. Именно рассмеялся. Так искренне, словно ему снова было двенадцать. Я замерла. Наверное, именно в тот момент я впервые поняла, каким Майк был до болезни. Обычным. Живым. Смешливым. Через несколько секунд он снова стал серьёзным, перевернул страницу и продолжил читать так спокойно, будто ничего не произошло. Я тихо ушла. И больше никогда не видела его таким.

— Эй, ребята, у нас пополнение! — с грохотом открыл дверь в комнату Джон. — Познакомьтесь, это Питер.

Глава 4

Самое страшное в больнице — не боль. А пустая кровать, которая вчера ещё была занята.

Питер замер на пороге, словно переступил не дверной порог, а невидимую границу. Одной рукой он крепко держал лямку рюкзака, второй нервно теребил рукав серой толстовки. Высокий, худощавый, с растрёпанными светло-русыми волосами и слишком серьёзным взглядом для своего возраста. На вид ему было лет семнадцать.

В комнате неожиданно стало тихо. Так происходило всегда. Каждый раз, когда в отделение поступал новый пациент, мы невольно задавались одним и тем же вопросом: сколько времени ему понадобится, чтобы перестать чувствовать себя здесь чужим? Иногда — несколько часов. Иногда — недели. А иногда человек так и не успевал. Признаться честно, в последнее время мы не принимали новеньких в свой круг. Лишь потому, что Мия горько страдала от потери.

— Ну чего вы все смотрите? — Джон театрально всплеснул руками. — Я что, привёл снежного человека?

Мия первой вскочила с дивана.

— Привет! Я Мия Синк.

Она протянула ладонь так уверенно, будто знакомилась не с подростком, оказавшимся в онкологическом отделении, а

с новым одноклассником. Питер уверенно пожал её руку.

— Питер.

— Это мы уже знаем, — улыбнулась она. — Проходи. Здесь свободных мест полно.

Он очень уверенно вошёл в комнату. Я заметила, как его взгляд быстро пробежался по каждому из нас. По коробке с разноцветными пластырями Мии. По книжному стеллажу позади Майка. И по моим ботинкам.

Наверное, всё это выглядело странно. Когда впервые попадаешь сюда, ожидаешь увидеть бесконечно грустных людей. А находишь компанию подростков, которые строят планы на ближайшее день рождения.

— Ну я уже назывался, — Джон кинул в меня сверкающий взгляд, чтобы я наконец представилась.

— Эмма. Эмма Моррис.

Когда очередь дошла до Майка, он лишь коротко кивнул.

— Майк.

И снова замолчал. Я едва заметно улыбнулась. Конечно. Ничего нового.

— Всем салют.

Голос Питера оказался неожиданно самоуверенным. Он сел на свободное кресло, между мной и Мией. Джон плюхнулся рядом.

— Так, официальная часть закончилась. Теперь главный вопрос.

Питер удивлённо поднял голову.

— Ты любишь настольные игры?

— Что?

— Или книги?

— Или шоколад? — спросила Мия.

Питер растерянно переводил взгляд с одного на другого.

— Я...

— Не пугайте человека, — тихо сказал Майк, всё ещё смотря в свою книгу.

— Мы не пугаем, — возмутился Джон. — Мы собираем информацию.

— Для чего?

— Чтобы знать, чем тебя спасать.

Питер нахмурился.

— От чего?

На секунду все замолчали. Джон перестал улыбаться. Потом тихо ответил:

— От скуки.

Напряжение исчезло так же быстро, как появилось.

— Музыку, старые фильмы и книги, — наконец признался тот.

Я машинально посмотрела на Майка. Он тоже посмотрел на Питера.

— Последняя прочтённая?

— Великий Гэтсби, — с уверенностью ответил тот.

Майк снова занялся чтением, но все заметили, как один уголок его рта приподнялся. Он улыбнулся.

Мия тут же достала свою коробку с пластырями и гордо показывала каждую свою драгоценность. Джон уже доставал настольные игры из комода, рядом стоящего, а Майк брал в руки закладку, явно заканчивая своё чтение.

По всей видимости одной мне этот парень не по душе. Он занял место. Место человека, которого больше нет. К чему эти знакомства.

— Чтоб ты знал, — встречаю в суету, и все резко замолкают. — У нас при знакомстве озвучивают имя и фамилию.

— Питер Скаво.

— Ну вот, совсем другое дело, — пожала я плечами. — А то звучало так, будто ты настолько знаменит, что одного имени достаточно.

Джон тихо прыснул.

— Что? Я всего лишь соблюдаю традиции.

— Которые ты сама придумала две минуты назад, — усмехнулся Майк.

— Значит, теперь это официальная традиция.

Питер смотрел на меня несколько секунд, будто пытался понять, шучу я или действительно недовольна его появлением. Пусть думает что хочет.

Я поднялась с кресла.

— Веселитесь.

— Ты уже уходишь? — удивилась Мия.

— Ага. Сегодня у меня закончился лимит общения с людьми.

— Он у тебя заканчивается каждое утро, — бросил Джон.
— Стабильность — признак мастерства.

Я сунула руки в карманы джинсовки и направилась к двери. Коридор встретил привычной тишиной. Где-то за стеной мерно пищал монитор, медсёстры негромко переговаривались на посту, а из открытого окна тянуло прохладным вечерним воздухом. Я закрыла за собой дверь палаты и тяжело выдохнула. Мне не хотелось признавать очевидное. Я злилась вовсе не на Питера. Я злилась на то, что его кресло больше не пустовало.

Я подошла к окну и привычным движением отодвинула штору.

На парковке медленно гасли фары машин. Кто-то спешил домой. Кто-то только заступал на ночную смену. А здесь время вообще существовало по своим правилам. Оно не делилось на будни и выходные. Только на результаты анализов, процедуры и это бесконечное ожидание. Я прислонилась лбом к холодному стеклу.

— Чёрт...

Тупая боль тут же отозвалась в груди. Не сильная. Знакомая. Такая, которая предупреждает: ещё немного — и начнётся. Я автоматически потянулась к прикроватной тумбочке, достала пузырёк с таблетками и, не запивая, положила одну под язык.

— Вот именно сейчас? Серьёзно?

Будто организм решил напомнить, что много думать мне

запрещено. Я медленно села на кровать, пережидая, пока сердцебиение перестанет отдавать в виски. Иногда мне казалось, что моё сердце — самый токсичный сосед по палате. Стоит только разозлиться, понервничать, пробежать пару лестничных пролётов или слишком громко посмеяться — оно сразу устраивает забастовку. «Не забывай, что ты больная», — словно повторяло оно. Спасибо. Без тебя бы не догадалась. В дверь тихо постучали.

— Если это Джон, можешь идти обратно, — сказала я, не поднимая головы. — Я сегодня уже использовала всю норму дружелюбия.

За дверью послышался смешок. Не Джон.

— Тогда, наверное, я вовремя.

Голос был незнакомым. Я закатила глаза.

— Ты издеваешься?

Дверь приоткрылась, и в проёме показался Питер.

— Мия сказала, что ты ушла обижаться.

— Передай Мие, что я не обижаюсь.

— А что делаешь?

— Профессионально ненавижу людей.

Он неожиданно хмыкнул. Не засмеялся. Именно хмыкнул.

— Получается?

— Уже много лет без единого выходного.

Питер опёрся плечом о дверной косяк.

— Тогда странно.

— Что именно?

— Обычно люди, которые ненавидят других, не сидят в компании каждый вечер.

Я на секунду замолчала. Неприятное замечание. Потому что точное.

— Слушай, Скаво, — произнесла я наконец. — Ты здесь меньше суток. Не пытайся делать вид, что уже всё про нас понял.

— Не пытаюсь.

— Вот и отлично.

— И тебе сладких снов, Эльза.

— Иди лечись, Скаво!

Подушка с глухим стуком ударилась о дверь, но та уже успела закрыться. Она медленно сползла на пол, оставив после себя только тишину, нарушаемую его удаляющимися шагами. Где-то в конце коридора Питер снова негромко рассмеялся, будто произошедшее только подтвердило какую-то его догадку.

Я так и осталась сидеть на кровати, глядя на дверь так пристально, словно могла прожечь в ней дыру одним взглядом.

— Идиот, — пробормотала я себе под нос.

Не потому, что действительно хотела его оскорбить. Просто это было единственное слово, которое сейчас подходило сразу ко всему. К его самоуверенности. К этой нелепой улыбке, будто он знал какую-то тайну обо мне. К его при-

вычке отвечать шуткой на каждую колкость. И больше всего — к тому, что он совершенно не собирался отступить.

Обычно всё происходило иначе. Люди быстро понимали правила моей игры. Я говорила что-нибудь неприятное, они обижались, делали вывод, что я редкостная заноза, и переставали предпринимать попытки познакомиться. Меня это полностью устраивало. Чем меньше людей задерживалось рядом, тем меньше было тех, по кому потом приходилось скучать. Это правило никогда не подводило. До сегодняшнего дня.

Я медленно наклонилась, подняла подушку и машинально поправила смятую наволочку. В палате снова стало тихо. Настолько тихо, что я различила мерное жужжание вентиляции под потолком и далёкий писк монитора где-то этажом ниже. За восемь месяцев я успела выучить все звуки этой больницы. Они были почти такими же постоянными, как биение моего собственного сердца. Наверное, если однажды исчезнут и они, я всё равно продолжу слышать их по привычке.

Вернувшись к окну, я отодвинула штору всего на несколько сантиметров. Машины спокойно проезжали по дороге, светофоры продолжали менять цвета, а где-то вдалеке светилась вывеска круглосуточной кофейни, в которой наверняка сидели люди, обсуждавшие работу, учёбу или планы на выходные. Когда-то и моя жизнь была такой. Настолько обычной, что я даже не замечала этого. Теперь самым интересным событием дня становилось появление новенького пациента.

Тяжело выдохнув и, сама того не замечая, я коснулась пальцами небольшого рубца под ключицей. Кардиовертер едва ощутимо выступал под кожей, напоминая о себе каждый раз, когда я нервничала сильнее обычного. Доктор Брукс однажды сказал, что со временем я перестану обращать на него внимание, как перестают замечать кольцо на пальце или часы на запястье. Он ошибся. К таким вещам невозможно привыкнуть окончательно. Они каждый день напоминают, что твоё сердце нуждается в подстраховке. Что однажды оно уже пыталось тебя подвести.

Наверное, именно поэтому я так старательно держала людей на расстоянии. Аппараты не обижаются, не уезжают домой и не умирают у тебя на глазах. Если они ломаются, их можно заменить.

Глава 5

*Я научилась не спрашивать: «Как дела?»
Потому что знала ответ заранее.*

Прошла почти неделя с появления Питера, и за эти несколько дней он каким-то совершенно необъяснимым образом успел стать частью нашей компании так, будто прожил в этой больнице не пару дней, а несколько лет. Иногда мне даже казалось, что он знает расположение кабинетов лучше некоторых новых медсестер, а доктора уже здоровались с ним так, словно видели его каждое утро на протяжении долгого времени. Я этого совершенно не понимала.

Обычно новенькие держались тихо. Они ходили по коридорам с настороженными взглядами, вздрагивали от каждого писка мониторов, путались в бесконечных переходах между отделениями и первое время почти ни с кем не разговаривали. Им требовалось время, чтобы привыкнуть к мысли, что больница теперь стала их домом. Питеру не потребовалось ничего. Он словно вошёл сюда уже своим. Придурок.

Когда я спустилась в гостиную после утреннего осмотра, первое, что услышала, был громкий смех Мии. Даже не видя её, можно было безошибочно определить, что смеётся именно она. Так искренне и заразительно никто больше не умел. Я остановилась возле двери и заглянула внутрь.

Питер сидел прямо на полу, прислонившись спиной к дивану, а Джон пытался объяснить ему правила какой-то старой настольной игры, размахивая руками так активно, будто от этого зависела его жизнь. Майк, как обычно, устроился в кресле возле окна с книгой, но, к моему удивлению, сейчас даже он не читал. Книга лежала закрытой на его коленях, а уголки губ едва заметно были приподняты. Это означало только одно. Питер снова рассказывал какую-то чушь.

— Нет, я серьёзно, — говорил он, разводя руками так широко, что едва не задел локтем вазу с карандашами.

— Вы хотите сказать, что здесь запрещено лазить ночью на крышу?

— Конечно запрещено, — ответил Джон, смеясь так громко, что проходящая мимо медсестра покачала головой.

— Это больница.

— Какая скучная больница.

— За такие слова доктор Брукс заставит тебя неделю делать дыхательную гимнастику в два раза дольше.

— Тогда я беру свои слова обратно.

Мия снова рассмеялась и хлопнула ладонью по дивану. Я молча прошла мимо них, направляясь к кофемашине.

— Доброе утро, Эльза, — почти сразу раздалось за моей спиной.

Я даже не обернулась. Нажала кнопку на кофемашине и стала смотреть, как тонкой струёй льётся кофе, словно происходящее сейчас было намного интереснее разговора с ним.

— Доброе утро, — повторил Питер уже громче, явно не собираясь сдаваться.

— Слух у меня хороший, — ответила я, забирая бумажный стаканчик. — Просто желания отвечать нет.

— А я уже начал переживать, ледышка.

— Не стоит. Переживания плохо влияют на лёгкие. И меня зовут Эмма.

Позади кто-то тихо хихикнул. Судя по звуку — Мия.

— Ты сегодня особенно добрая, — продолжил Питер, подходя ближе. В его голосе не было ни капли раздражения, будто мои колкости только забавляли его. — Наверное, звёзды как-то особенно встали.

Я медленно повернулась к нему и смирila его взглядом с головы до ног.

— Нет. Просто ты сегодня разговариваешь больше обычного.

— Правда?

— Хотя нет. Это невозможно. Ты, итак, как радиоприёмник миссис Бриксли.

Джон громко прыснул со смеху, прикрывая рот ладонью.

Питер только улыбнулся и, совершенно не смутившись, скрестил руки на груди.

— Знаешь, я всю ночь о тебе думал.

— Очень тебе сочувствую.

Он сделал короткую паузу, словно специально выдерживая интригу, а потом совершенно серьёзным голосом про-

должил:

— У тебя поэтому белая прядь волос, Эльза?

— Господи... — я устало прикрыла глаза. — Ты можешь хоть один день назвать меня по имени?

Он сделал вид, что серьёзно задумался.

— Могу.

Я вопросительно подняла бровь.

— Но не хочу.

— Почему?

— Потому что, когда ты злишься, ты становишься ещё красивее.

Я замерла всего на секунду. Потом закатила глаза.

— Какая дешёвая попытка.

— Но ты ведь покраснела. Ты такая милая, когда делаешь вид, что сейчас меня убьёшь.

Мия прыснула так громко, что едва не уронила свою коробку с пластырями. Джон согнулся пополам, хлопая ладонью по столу, а Майк, который до этого спокойно наблюдал за происходящим поверх книги, неожиданно тихо усмехнулся, после чего снова сделал вид, будто полностью поглощён чтением. Я перевела взгляд на каждого из них по очереди. Предатели.

— Закончили? — спокойно спросила я, делая маленький глоток кофе.

— Нет, — совершенно честно ответил Питер, пожав плечами. — У меня ещё много материала.

— Очень жаль.

— Почему?

— Потому что чувства юмора тебе явно недостаёт вместе с кислородом.

В комнате на секунду повисла тишина. Я сразу поняла, что сказала лишнее. Не потому, что пошутила про болезнь. А потому, что ещё никто здесь не позволял себе говорить с Питером настолько жёстко. Мия перестала улыбаться и осторожно посмотрела сначала на меня, потом на него, явно пытаясь понять, не испортила ли я всё окончательно. Но Питер лишь коротко опустил глаза, после чего снова поднял их на меня, и на его лице появилась та самая спокойная улыбка, которая начинала раздражать меня всё сильнее.

— Хорошая попытка, Эльза, — сказал он, сунув руки в карманы спортивных брюк. — Отличная новость — я в списке на пересадку лёгких.

Я почувствовала, как внутри неприятно кольнуло. Он не обиделся. Опять. Почему он вообще никогда не обижался? Любой другой человек уже давно перестал бы со мной разговаривать, сделал бы вывод, что я просто невыносимая, и больше не подходил ближе, чем на пару метров. Питер же, казалось, воспринимал каждую мою колкость как новый уровень какой-то странной игры, правила которой были известны только ему одному. И именно это бесит больше всего.

Столовая постепенно заполнялась людьми. Где-то за со-

седними столами звенели приборы, кто-то спорил о том, какая каша сегодня хуже обычного, медсестра безуспешно пыталась объяснить маленькому мальчику, что мороженое не считается завтраком, а кофемашина продолжала недовольно гудеть, будто тоже устала работать без выходных. Мы с Майком сидели за своим привычным столиком у окна. Так сложилось само собой ещё несколько месяцев назад. Никто никогда не занимал эти места, словно вся больница негласно решила оставить их за нами. Я лениво размазывала вилкой омлет по тарелке, который выглядел так, будто его уже однажды кто-то ел, передумал и решил вернуть обратно на кухню, а Майк, как обычно, держал одной рукой кружку с чаем, а другой придерживал раскрытую книгу, совершенно не обращая внимания на шум вокруг.

— Скажи честно, — проговорила я, наблюдая, как он совершенно спокойно перелистывает страницу, — ты вообще замечаешь окружающий мир или существуешь только между первой и последней главой?

Майк поднял взгляд не сразу. Он дочитал абзац до конца, аккуратно загнул уголок страницы пальцем, только после этого посмотрел на меня поверх книги и едва заметно улыбнулся.

— Иногда замечаю, — спокойно ответил он, отпивая разведённый чай. — Обычно тогда, когда кто-то слишком громко жалуется на омлет.

Я выразительно посмотрела на свою тарелку.

— Это не жалоба. Это объективная оценка.

— Конечно.

— Нет, правда. Ты только посмотри на него. Мне кажется, если бросить этот омлет в стену, пострадает стена.

Майк ненадолго задумался, словно действительно оценивал вероятность такого исхода, после чего совершенно серьёзно кивнул.

— Думаю, пострадает повар.

Я тихо усмехнулась.

— Иногда я забываю, что у тебя есть чувство юмора.

— Большинство тоже.

— И правильно делают.

Он снова вернулся к книге, а я сделала осторожный глоток кофе и тут же поморщилась. Этот вкус невозможно было описать словами. Казалось, кто-то однажды показал кофейным зёрнам фотографию настоящего кофе, и на этом решил закончить приготовление.

— Когда-нибудь они научатся его варить? — пробормотала я, поставив кружку обратно на стол.

— Нет, — ответил Майк, даже не отрываясь от книги.

— Откуда такая уверенность?

Он перевернул страницу, задержал взгляд на нескольких строчках и только потом спокойно произнёс:

— Тогда пациенты перестанут мечтать о выписке.

Я рассмеялась чуть громче, чем собиралась, и сразу почувствовала знакомое неприятное давление в груди. При-

шлось сделать несколько медленных вдохов, стараясь не показать виду. Майк заметил это мгновенно. Он ничего не спросил, просто закрыл книгу и терпеливо ждал, пока я снова начну дышать ровно. Именно за это я его и любила. Он никогда не устраивал вокруг моего сердца трагедию.

— Всё? — тихо спросил он спустя несколько секунд.

Я коротко кивнула.

— Всё.

— Хорошо. Это случилось, потому что эта кружка уже вторая за сегодня.

И снова открыл книгу. Я лишь закатила глаза.

Иногда мне казалось, что Майк способен говорить целыми страницами, не произнося почти ни слова. В этот момент двери столовой распахнулись, впуская внутрь прохладный осенний воздух вместе с несколькими опоздавшими пациентами. Я даже не посмотрела в ту сторону.

— Он пришёл, — неожиданно сказал Майк, не поднимая головы.

— Кто?

— Причина того, что ты последние сутки закатываешь глаза чаще обычного.

Я недовольно фыркнула и всё-таки повернулась к входу. Питер неторопливо шёл между столиками, придерживая поднос одной рукой и попутно здороваясь почти с каждым встречным. Санитару он махнул рукой так, словно они были знакомы сто лет, маленькому мальчику помог удержать ста-

кан с соком, а миссис Уилсон, которая обычно смотрела на пациентов так, будто каждый лично испортил ей жизнь, каким-то невероятным образом заставил улыбнуться.

— Это вообще законно? — пробормотала я себе под нос. Майк вопросительно поднял бровь.

— Что именно?

— Быть настолько...

— Он просто общительный.

— Нет. Это уже диагноз.

— Завидуешь?

Я резко повернулась к нему.

— Чему?

— Тому, что ему достаточно одного дня, чтобы понравиться людям.

— Майк.

— Что?

— Если ты сейчас скажешь, что я тоже могу быть приветливой, я уйду.

Он спокойно закрыл книгу, переплёл пальцы на кружке и, глядя куда-то поверх моего плеча, с той самой невозмутимостью, которая иногда выводила меня из себя сильнее любого крика:

— Нет. Я хотел сказать, что ты слишком внимательно за ним наблюдаешь.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но сделать этого не успела.

— Приятного аппетита, Эльза.

Его голос прозвучал совсем рядом, заставив меня медленно поднять голову.

Питер стоял возле нашего столика с таким видом, будто случайно оказался именно здесь, хотя выражение его лица ясно говорило об обратном. Он придерживал поднос своими тонкими пальцами одной руки, а второй спокойно поправил кислородную канюлю, после чего посмотрел сначала на меня, потом на Майка и улыбнулся так искренне, словно мы были старыми друзьями.

— Можно?

— Нет, — одновременно ответили мы с Майком.

Питер удивлённо посмотрел сначала на него, потом снова на меня.

— Неожиданно.

— Он просто воспитанный человек, — пожала я плечами, отпивая кофе.

— Решил поддержать хозяйку стола.

— То есть ты теперь хозяйка?

— Нет. Но тебе здесь точно никто не рад.

Питер театрально вздохнул, словно мои слова действительно его расстроили, после чего всё равно поставил поднос на стол и сел напротив.

— Знаешь, Эльза, у тебя очень странный способ заводить друзей.

— А кто сказал, что я вообще собираюсь их заводить?

— Никто. Но мне почему-то кажется, что ты уже устала делать вид, будто тебе никто не нужен.

Я медленно поставила кружку на стол, внимательно посмотрела ему прямо в глаза и чуть улыбнулась.

— А мне кажется, ты слишком много говоришь для человека, который здесь меньше остальных.

Он не отвёл взгляд. Наоборот, улыбнулся ещё шире, будто именно такой реакции и добивался.

— Возможно, — негромко ответил он, чуть наклоняясь вперёд. — Но знаешь, что самое интересное?

— Нет. И, честно говоря, не горю желанием узнавать.

— Ты каждый раз отвечаешь мне так, словно хочешь, чтобы разговор закончился... и каждый раз продолжаешь его сама.

На несколько секунд за столом повисла тишина. Я ненавидела признавать чужую правоту. Особенно тогда, когда её произносил человек с самой раздражающей улыбкой из всех, что мне когда-либо доводилось видеть.

Я уже собиралась ответить, но Майк оказался быстрее. Он спокойно поставил кружку на стол, закрыл книгу пальцем, чтобы не потерять страницу, и посмотрел на Питера с едва заметной улыбкой.

— Поздравляю, — произнёс он. — Ты первый человек за последние несколько месяцев, которому удалось заставить Эмму замолчать дольше пяти секунд.

Я медленно повернула голову в его сторону.

— Я сейчас должна почувствовать поддержку от друга?

— Нет, — Майк снова открыл книгу. — Просто наблюдаю редкое явление.

— Предатель.

— Фактолог.

Питер тихо рассмеялся, прикрывая ладонью улыбку, но я всё равно заметила. Конечно, заметила.

— А ты, я смотрю, быстро вливаешься в коллектив, — произнесла я, продолжая не спускать с него взгляда. — Ещё немного, и тебя начнут пускать без приглашения.

Он пожал плечами, поправляя вилку на подносе.

— А разве сейчас не пустили?

— Ошибка системы. Такое иногда случается.

— Печально, — с серьёзным видом кивнул он. — А я уже решил, что мне здесь рады.

Я сделала глоток кофе и тут же поморщилась.

— Не настолько.

Питер улыбнулся, но спорить не стал. Он просто продолжил завтракать, будто мои слова не задели его ни капли. И это было странно.

Обычно люди либо пытались понравиться мне, либо обижались. Питер же почему-то выбрал третий вариант — просто оставался рядом.

— Кстати, — неожиданно сказал Майк, поднимая взгляд от книги, — почему Эльза?

Я нахмурилась.

Питер опёрся локтем о стол и чуть наклонил голову, разглядывая меня с любопытством.

— Тебе подходит, — заявляет Майк. Нет, он мне друг вообще?

— С чего вдруг?

— Холодная, колючая и делает вид, что ей никто не нужен, — ответил Питер полушёпотом.

Я медленно поставила кружку обратно на стол.

— Ты сейчас пытаешься сделать мне комплимент или оскорбить?

— Пока сам не решил.

— Тогда советую подумать подольше. Иногда молчание делает людей умнее.

Майк тихо перевернул страницу, скрывая улыбку. Питер только усмехнулся.

— Знаешь, Моррис, мне начинает казаться, что ты специально делаешь всё, чтобы люди держались подальше.

Я посмотрела на него, чуть прищурившись.

— А мне начинает казаться, что ты специально делаешь всё, чтобы я тебя послала ещё раз.

— Может быть.

Глава 6

*Никогда не обещай человеку «всё будет хорошо».
Иногда достаточно просто остаться рядом.*

Мне кажется, все ненавидят больничные коридоры. Не потому, что они холодные и безликие, хотя белые стены, одинаковые двери палат и резкий запах антисептика действительно могли свести с ума любого человека, который проводил здесь слишком много времени. Дело было даже не в постоянном шуме, который невозможно было полностью заглушить: в отделении пищали аппараты, медсёстры торопливо переговаривались между собой, а колёса каталок иногда нарушали привычную тишину, проезжая по коридору.

Я ненавидела их за ожидание. За то самое ощущение, когда ты сидишь перед закрытой дверью кабинета врача и понимаешь, что через несколько минут твоя жизнь может измениться. В больнице все быстро учились различать тишину. Была обычная — когда кто-то уставал говорить и просто хотел побыть рядом с другим человеком. Была спокойная — когда слова становились не нужны, потому что всё и так было понятно. А была та, которая появлялась перед плохими новостями. Она всегда ощущалась одинаково. Будто весь этаж на несколько секунд переставал дышать.

Я сидела на подоконнике напротив кабинета доктора

Брукса, лениво перелистывая старый журнал, найденный на столике возле поста медсестёр. Читать его я даже не пыталась. Вся эта информация про скидки, рецепты и советы, как правильно выбрать осеннюю куртку, казалась максимально неуместной в коридоре онкологического отделения. Но мне нужно было чем-то занять руки. Потому что если оставить их свободными, они начинали выдавать всё то, что я тщательно старалась скрыть.

Рядом со мной стоял Майк, прислонившись плечом к стене. Как всегда, он держал в руках книгу и выглядел так, будто мог оказаться где угодно — в старом замке, на другой планете или в прошлом веке, — но только не в больничном коридоре. Питер, в отличие от него, выглядел человеком, который совершенно не умел притворяться спокойным. Он уже несколько минут ходил из одного конца коридора в другой, периодически останавливаясь возле окна, чтобы отдышаться, а потом снова разворачиваясь обратно.

— Если ты продолжишь ходить с такой скоростью, — произнесла я, даже не поднимая взгляда от журнала, — через пару минут администрация попросит тебя платить за ремонт пола.

Питер остановился и посмотрел на меня.

— Я просто переживаю.

Я перевернула страницу и наконец посмотрела на него.

— Обычно люди переживают молча. Ты же решил создать отдельный вид нервного расстройства.

Он слегка нахмурился, будто действительно задумался над моими словами.

— Я не настолько сильно двигаюсь.

— Ты уже четыре раза прошёл мимо автомата с водой.

Питер посмотрел в сторону автомата, который стоял буквально в двух метрах от него.

— Может, я хотел пить.

— Четыре раза подряд?

— У меня сложный организм.

Я закатила глаза.

— У тебя сложный характер.

— Забавно слышать это от тебя.

Я уже собиралась ответить, но Майк тихо перелистнул страницу своей книги и спокойно вмешался:

— Если вы закончили соревноваться в том, кто больше раздражает другого, можно немного помолчать? И Питер, я думаю если твои лёгкие откажут раньше твоего марафона по коридору, я думаю Мия огорчиться этому больше чем то, что мы скоро услышим.

Мы оба посмотрели на него.

— Ты сейчас попросил нас вести себя нормально? И что это мы такого услышим? — удивилась я.

Майк пожал плечами, продолжая читать.

— Я просто попросил вас вести себя тише.

Я хотела съязвить ещё что-нибудь, но дверь кабинета доктора Брукса в этот момент всё-таки открылась. И мы сра-

зу замолчали. Потому что иногда не нужно слышать ни одного слова. Достаточно просто увидеть лицо врача. Доктор Брукс всегда был человеком, который умел сохранять спокойствие. Даже когда сообщал новости, от которых хотелось разбить что-нибудь или просто исчезнуть на несколько часов. Но сейчас он выглядел иначе. Уставшим. Слишком серьёзным.

Следом за ним вышла Мия. И первое, что я заметила, — она улыбалась. Слишком быстро. Слишком привычно. Так улыбались люди, которые уже решили, что будут делать вид, будто всё в порядке.

— Ну? — Питер первым нарушил эту нервную тишину, внимательно посмотрев на неё. — Ты чего так долго?

Мия поправила рукав своей кофты и пожала плечами.

— Разговаривали.

— О чём?

— О моём удивительном таланте раздражать врачей.

Обычно после такой фразы я бы усмехнулась. Потому что это была Мия. Та самая Мия, которая могла за пять минут познакомиться с человеком, узнать его любимый фильм и через десять минут спорить с ним о том, почему шоколадное мороженое лучше ванильного. Но сейчас её голос звучал слишком спокойно. Я знала её достаточно давно, чтобы понимать. Она боялась.

— Мия, — тихо сказала я, сползая с подоконника.

Она посмотрела на меня.

— Не надо.

Всего два слова. Но в них было столько усталости, что я впервые не нашла, что ответить. И тогда доктор Брукс вмешался.

— Ребята, зайдите, пожалуйста.

#####

Мы зашли в кабинет, и мне сразу захотелось развернуться и выйти. Я никогда не любила кабинеты врачей. Не из-за картинок на стене с органами, не из-за аккуратно разложенных на столе папок и даже не из-за этого слишком знакомого запаха лекарств, который, казалось, пропитывал здесь всё вокруг. Я не могла их терпеть за то, что именно в таких местах люди узнавали вещи, после которых уже нельзя было вернуться к прежней жизни.

Врачи всегда старались говорить осторожно. Они выбирали правильные слова, делали нужные паузы и смотрели на тебя тем самым спокойным взглядом, который должен был успокаивать. Но мы все давно знали правду. Если врач слишком долго подбирает слова — ничего хорошего это не означает.

Доктор Брукс дождался, пока мы расселись, после чего снял очки и положил их рядом с медицинской картой Мии. Я заметила этот жест сразу. Он делал так всегда, когда разговор был серьёзным. Мия сидела напротив него, положив руки на колени и сцепив пальцы между собой. Она пыталась выглядеть спокойно, но я слишком хорошо её знала. Мия

никогда не боялась громко. Она начинала улыбаться, когда хотела заплакать, шутила, когда хотелось кричать, и делала вид, что всё под контролем, даже когда внутри у неё всё рушилось.

— Мия, — доктор Брукс немного наклонился вперёд, внимательно посмотрев на неё, — я хочу, чтобы ты сразу понимала: этот разговор не означает, что мы прекращаем бороться.

Она кивнула, но её взгляд на секунду метнулся к медицинской карте. К той самой папке, внутри которой были написаны все причины, почему ей приходится проводить большую часть своей жизни в этой больнице.

— Я знаю, — тихо ответила она.

Её голос прозвучал слишком ровно.

— Последние результаты обследования показали, что саркома Юинга отреагировала на лечение не так, как мы рассчитывали, — продолжил доктор Брукс, аккуратно подбирая слова. — Опухоль стала сложнее контролироваться, и сейчас нам необходимо рассмотреть дополнительные варианты лечения.

Я почувствовала, как рядом со мной Майк перестал листать книгу. Он даже не поднял головы, но я знала — он слушает. Майк всегда слушал. Даже когда казалось, что он полностью погружён в другой мир.

— Какие варианты? — спросила Мия.

Она произнесла это спокойно, но пальцы на её коленях

сжались сильнее. Доктор Брукс несколько секунд молчал. И мне захотелось закрыть уши.

Потому что иногда тишина перед ответом причиняет больше боли, чем сами слова.

— Опухоль находится в области левой ноги, — наконец сказал он. — И, к сожалению, она затронула окружающие ткани.

Мия нахмурилась.

— И что это значит?

Доктор посмотрел на неё прямо.

— Это значит, что нам нужно оценить все возможные варианты, чтобы сохранить твоё здоровье и твою жизнь.

Мне не понравилось, как он сказал последнее слово.

— Доктор Брукс, — Мия тихо усмехнулась, но в этой усмешке не было ничего весёлого, — вы можете сказать простыми словами?

Он замолчал. Она уже поняла. Мы все поняли.

— В некоторых случаях, — продолжил он после небольшой паузы, — если другие методы не смогут дать необходимого результата, может потребоваться ампутация.

В кабинете стало так тихо, что я услышала, как где-то в коридоре проехала тележка с лекарствами. Мия не заплакала. Не закричала. Она просто смотрела на него, словно пыталась найти в его лице подтверждение, что неправильно поняла.

— Ампутация... — повторила она медленно, будто это

было незнакомое слово. — Моей ноги?

Доктор Брукс кивнул.

— Мы ещё не приняли это решение. Сейчас мы говорим только о возможном варианте.

— Но вы об этом думаете.

Доктор ничего не ответил. И именно это стало ответом. Я почувствовала, как внутри поднимается злость. Та самая, которая всегда появлялась, когда болезнь снова напоминала нам, что она здесь главная. Мне хотелось ударить стену. Кричать. Спросить, почему кто-то должен выбирать между частью своего тела и шансом жить. Но я молчала. Потому что сейчас это была не моя боль.

— Отлично. Значит, у меня будет самый драматичный образ среди всех, — неожиданно сказала она.

— Мия, — тихо произнёс Джон, который всё это время стоял у дверей с печеньями, которые всегда готовит сам на кухне, узнавая о походах к доктору Бруксу, — ты шутишь?

— Конечно, — она пожала плечами. — А что ещё делать? Плакать красиво я не умею.

Я закатила глаза.

Майк закрыл книгу и положил её рядом. Мия посмотрела на него.

Он несколько секунд помедлил, после чего спокойно ответил:

— Даже если что-то изменится, ты останешься Мией.

Он пожал плечами, будто говорил о чём-то очевидном.

— А это, насколько я помню, самая раздражающая часть тебя.

Мия удивлённо моргнула.

— Ты сейчас сделал мне комплимент?

— Нет.

Он снова взял книгу.

— Я просто констатировал факт.

Питер сидел рядом со мной непривычно тихий. Это, между прочим, уже можно было считать медицинским чудом. Вчера он умудрялся разговаривать даже с автоматом батончиков. А сейчас просто смотрел на Мию и молчал. Доктор Брукс открыл медицинскую карту и несколько секунд смотрел на записи.

— И я также хочу сказать вам, ребята. Спасибо.

Мы переглянулись.

— За что? — первой спросила Мия.

Доктор Брукс слегка улыбнулся. Мы все понимали о чём он, кроме неё.

— И, поверьте, это имеет значение.

Я отвела взгляд.

Не потому, что мне было неловко. Просто, когда взрослые люди начинают говорить что-то хорошее, я обычно не знаю, куда деть лицо. Слишком много эмоций для одного человека.

— Ладно, — пробормотала я, скрестив руки на груди. — Только не превращайте это в благодарственную речь. Мы и

так достаточно долго слушаем Питера.

Питер посмотрел на меня с лёгким возмущением.

— Причём тут я?

— Ты умудряешься превращать любой разговор в выступление.

— Неправда.

— Ты вчера рассказывал Майку историю про фильм двадцатилетней давности.

— Это была важная история.

— Там был говорящий енот.

— Именно.

Глава 7

Самые опасные слова — не те, которые говорят со зла. А те, которые вылетают раньше, чем успеваешь подумать.

После обеда больница всегда становилась немного тише. Не потому, что в ней становилось меньше людей. Просто организм каждого здесь жил по своему расписанию. Кто-то уходил на процедуры, кто-то возвращался после обследований настолько уставшим, будто вместо компьютерной томографии пробежал марафон, а кто-то закрывался в палате, надевая наушники и делая вид, что за дверью существует совершенно другой мир. Именно в такие часы наша комната отдыха становилась похожей на квартиру большой семьи, члены которой слишком долго жили вместе, чтобы притворяться вежливыми.

Я устроилась на широком подоконнике, поджав под себя ноги и лениво перелистывая страницы книги, что посоветовал мне Майк, которую читала уже второй месяц. Не потому, что она была скучной. Просто болезнь отнимала концентрацию быстрее, чем я успевала запомнить сюжет. Иногда я могла читать одну страницу по три раза подряд и только потом понимать, что всё это время думала совсем о другом.

Сегодня мысли снова возвращались к доктору Бруксу и

его спокойному голосу, который ещё несколько дней назад сообщил нам о том, что Мие всё-таки придётся ампутировать ногу. Он говорил мягко, уверенно, даже пытался шутить, но после его слов мне казалось, будто вся комната стала холоднее.

Мия, словно назло всем законам логики, переживала эту новость легче нас. Или очень хорошо делала вид.

Она сидела прямо на ковре, рассыпав вокруг себя десятки разноцветных пластырей, и старательно выводила на каждом маленькие рисунки. Сегодня это были планеты, киты, улыбающиеся облака и крошечные жёлтые утки в резиновых сапогах. Никогда не понимала, откуда у неё столько терпения. Если бы мне предложили разрисовать хотя бы пять пластырей, уже на третьем я бы психанула и нарисовала большой крест.

— Этот будет тебе, — сказала Мия, не поднимая головы, и показала мне пластырь с чёрным сердцем, внутри которого сияла маленькая золотая звезда. — Когда опять поцарапаешься своим характером.

— Очень смешно, — фыркнула я, переворачивая страницу.

— Лучше оставь его себе. Судя по всему, тебе ещё долго придётся латать окружающих.

Она тихо рассмеялась, словно именно этого ответа и ждала. В дальнем углу гостиной Джон безуспешно пытался выиграть у Майка партию в шахматы. Вернее, пытался уже со-

рок минут, но пока единственным человеком, который действительно двигался вперёд, был Майк. Он спокойно делал ход, возвращался к книге, которую держал раскрытой рядом с доской, и только после этого вновь переводил взгляд на фигуры. Иногда мне казалось, что он способен одновременно читать, играть в шахматы и решать примеры по высшей математике, совершенно не меняясь в лице.

— Ты специально так долго думаешь? — недовольно проворчал Джон, покручивая в пальцах чёрного коня. — Или просто хочешь умереть от старости раньше, чем закончится партия?

Майк медленно поднял голову, посмотрел сначала на доску, потом на Джона и только после этого невозмутимо ответил:

— Если бы я хотел умереть раньше, не стал бы играть с тобой.

Я тихо усмехнулась. Даже оскорблять людей Майк умел с каким-то невероятным спокойствием. В этот момент дверь гостиной распахнулась так широко, что ударилась о стену, а через секунду в помещение влетел Питер, удерживая одной рукой кислородную трубку, которая постоянно норовила соскользнуть с лица.

— Господа пациенты! — торжественно объявил он, остановившись посреди комнаты так, словно собирался произнести речь перед многотысячной аудиторией. — Прошу минуту внимания. Я официально заявляю, что сегодняшний

пудинг наконец-то перестал быть похож на строительную смесь.

— Ты просто не пробовал вчерашний, — не отрываясь от книги, спокойно сказал Майк.

— Пробовал.

— И?

Питер задумчиво почесал затылок.

— Знаешь... пожалуй, ты прав. Они оба были похожи на строительную смесь.

Мия рассмеялась первой. Потом Джон. Даже я почувствовала, как уголок губ сам собой дёрнулся вверх. Питер обладал каким-то странным талантом. Он мог раздражать меня до зубного скрежета, а через минуту заставить смеяться над какой-нибудь абсолютной ерундой. И именно это бесило сильнее всего.

Он подошёл к Мие и, заметив коробку с пластырями, сразу присел рядом на корточки.

— Ну-ка, показывай, что у тебя сегодня.

Мия без лишних слов протянула ему коробку. Питер перебирал пластыри с таким восхищением, будто рассматривал произведения искусства, а не обычные медицинские принадлежности.

— Слушай, — улыбнулся он, задержав взгляд на пластыре с маленькой лисой, — если после операции ты продолжишь рисовать такую красоту, то тебе вообще цены не будет.

— Надеюсь, — тихо ответила Мия.

Питер еще несколько секунд продолжал крутить пластырь в руках, искренне любуясь маленькой рыжей лисой, которую Мия нарисовала так аккуратно, что она казалась живой. Он улыбнулся своей привычной широкой улыбкой и, не заметив, как лицо девушки стало чуть серьезнее, положил пластырь обратно в коробку.

— Слушай, — задумчиво протянул он, почесав затылок, — если честно, после операции тебе вообще можно будет сделать бизнес.

Мия вопросительно подняла голову.

— Это какой?

— Будешь продавать носки по одному. Представляешь, сколько денег сэкономишь? Никаких потерянных пар, никакой вечной проблемы, куда делся второй...

Он тихо усмехнулся собственной шутке. Усмехнулся только он один. Комната вдруг стала настолько тихой, что я отчетливо услышала, как за окном ветер гоняет по асфальту сухие листья. Даже радио, которое обычно негромко играло где-то возле поста медсестер, словно исчезло. Джон перестал жевать печенье, так и не донеся его до рта. Майк медленно перевел взгляд с книги на Питера, а потом на Мию. Она сидела совершенно неподвижно. Только кончики её пальцев чуть сильнее сжали крышку коробки с пластырями. На лице все еще оставалась улыбка. Такая же солнечная, как обычно. Только я слишком давно ее знала, чтобы поверить этой улыбке.

— Ну... — тихо сказала она, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Тогда смогу покупать красивые кеды только на правую ногу. Даже скидку просить начну.

Она тихонько рассмеялась. Никто не поддержал. Мне показалось, будто у меня внутри что-то болезненно сжалось. Не потому, что Питер пошутил. А потому, что Мия опять спасала всех вокруг от собственного страха. Майк первым закрыл книгу. Не захлопнул. Именно закрыл. Медленно вложил закладку между страниц, положил книгу на стол и впервые за всё время знакомства посмотрел на Питера так холодно, что даже мне стало не по себе.

— Не надо, — спокойно произнёс он.

В его голосе не было ни злости, ни раздражения. Только усталость.

— Что? — растерянно переспросил Питер.

— Не шути об этом.

Улыбка на лице Питера медленно исчезла.

— Не надо, — повторил Майк уже чуть твёрже, не отводя от него взгляда. — Совсем.

За несколько месяцев, что мы жили вместе, я ни разу не слышала, чтобы Майк говорил с кем-то таким тоном. Он никогда не повышал голос. Не спорил. Не ругался. Если человек его раздражал, Майк просто переставал с ним разговаривать. Наверное, именно поэтому сейчас стало по-настоящему страшно.

Питер перевел взгляд на Мию. Только теперь он заметил,

что она больше не рисует. Маркер лежал рядом с коробкой, а сама она смотрела куда-то в окно, будто листья за стеклом вдруг стали гораздо интереснее происходящего в комнате.

— Мия... — тихо позвал он.

— Все нормально, — быстро ответила она, наконец посмотрев на него и снова улыбнувшись. — Правда. Это даже смешно.

— Нет, — неожиданно сказала я.

Мой голос прозвучал резче, чем я сама ожидала. Все одновременно посмотрели на меня. Я медленно поднялась с подоконника, ощущая, как сердце тут же отзывается неприятной тяжестью где-то под рёбрами. Пришлось сделать вдох чуть глубже обычного, но останавливаться я не собиралась.

— Это не смешно.

Питер нахмурился.

— Эмма, я же...

— Что ты? — перебила я его, подходя ближе. — Решил поднять всем настроение?

— Я не хотел сделать ей больно.

— Но сделал.

Он молчал.

— Ты вообще иногда думаешь, прежде чем открываешь рот? — спросила я уже спокойнее, но именно это спокойствие было самым опасным. — Или сначала говоришь, а потом надеешься, что все вокруг окажутся людьми с отличным чувством юмора?

— Ребят, ну вы чего — тихо произнёс Джон.

Я даже не повернулась к нему. Мой взгляд по-прежнему был прикован к Питеру.

— Ты знаешь, сколько раз она просыпалась ночью после того разговора с Бруксом?

Он медленно покачал головой.

— Я тоже не знаю. Потому что она никогда никого не будит. Она просто сидит на своём подоконнике до утра и думает, какой будет её жизнь через месяц. А знаю я это, потому что слышу её всхлипы за стеной.

В комнате снова воцарилась тишина. Она длилась несколько секунд. Но мне показалось, что прошла целая вечность. Наконец Питер медленно подошел к Мие. Присел перед ней на корточки, осторожно положил пластырь с лисой ей на колено и виновато потёр ладонью шею.

— Прости меня, пожалуйста, — сказал он уже совсем другим голосом. Без улыбки. Без привычной легкости. — Это была идиотская шутка.

Мия сразу закивала.

— Да перестань. Правда, всё хорошо.

— Нет.

Он покачал головой.

— Не хорошо.

Я видела, что он действительно жалеет. Но злость всё ещё не проходила.

— Иди, — тихо сказала я.

Питер поднял на меня глаза.

— Что?

— Эмма, прекрати, иначе опять начнётся аритмия, — бросил в меня гневный взгляд Майк, а потом перевёл его на Питера, — тебе лучше уйти.

Он тяжело выдохнул, развернулся и медленно вышел из гостиной, впервые с момента своего появления в отделении, не сказав ни одной шутки напоследок.

Глава 8

У каждого здесь был свой диагноз. Но страх звучал одинаково.

После завтрака жизнь в нашем отделении возвращалась в привычное русло. Кто-то уходил на процедуры, кто-то лениво перелистывал короткие видео на телефоне, растянувшись в кресле, а кто-то, как Джон, уже минут пятнадцать безуспешно пытался доказать медсестре, что двойная порция бекона жизненно необходима его печени.

— Джон, — устало сказала Лора, складывая планшет в папку, — если доктор Брукс увидит, что я опять разрешила тебе две порции, он первым делом лишит премии меня.

— Но печень требует жертв, — трагично вздохнул Джон, прижимая ладонь к груди. — А моя вообще скоро сбежит.

— Она не сбежит.

— Почему?

— Потому что ей уже некуда.

Майк тихо усмехнулся, не отрывая взгляда от книги, а я закатила глаза.

— Господи, вы можете хоть один день не обсуждать органы за завтраком? — возмутилась Лора.

— Можем, — спокойно ответил Майк, переворачивая страницу. — Но тогда Джон начнёт обсуждать еду.

— Я уже обсуждаю еду, — возмутился тот, ткнув вилкой в тарелку. — Посмотрите на этот бекон. Он настолько тонкий, что через него можно читать.

Мия звонко рассмеялась, запрокинув голову назад, а затем потянулась к своей неизменной коробочке с пластырями, лежавшей рядом с кружкой. Пока мы спорили, она сосредоточенно выводила на очередном пластыре маленькое улыбающееся солнце.

После истории с Питером прошло два дня и отделение словно выдохнуло, но тут же задержало дыхание. Никто больше не вспоминал его имя, хотя оно, казалось, продолжало висеть где-то под потолком холла вместе с запахом бекона. Даже Джон, который обычно не мог прожить десяти минут без очередной нелепой шутки о еде, подозрительно притих и ушёл на процедуры раньше обычного, а Майк, прихватив книгу, молча скрылся в библиотеке.

Наверное, читать ему сейчас хотелось не больше, чем мне, но книги были его способом переживать всё то, что невозможно исправить. Мы с Мией остались одни. Она сидела на широком подоконнике, поджав под себя здоровую ногу, а вторую осторожно вытянув вдоль стены. На коленях лежала её любимая коробочка с пластырями, которую она без конца открывала и закрывала, хотя сегодня не нарисовала ни одного нового рисунка. Маленькие разноцветные квадратики с медведями, звёздами, лимонами и динозаврами лежали внутри так же аккуратно, как всегда, но пальцы Мии не

тянулись к маркерам. Она просто перебирала их кончиками пальцев, будто проверяла, на месте ли каждый.

За окном ветер лениво качал верхушки клёнов, срывая очередные пожелтевшие листья, и мне вдруг пришло в голову, что осень удивительно похожа на нашу больницу. Всё вокруг ещё живое, ещё красивое, но каждый уже понимает, что скоро что-то неизбежно изменится.

— Не злись на него, — неожиданно сказала Мия, не отрывая взгляда от коробки, и осторожно провела большим пальцем по пластырю с нарисованной пандой. — Он ведь правда не хотел.

Я тихо фыркнула и прислонилась плечом к оконной раме.

— Ты сейчас серьёзно? — спросила я, повернув голову к ней. — После всего, что он ляпнул, ты ещё его защищаешь?

Мия пожала плечами так легко, будто речь шла о разбитой кружке, а не о её собственной жизни.

— Он не защищается, потому что считает себя виноватым. Значит, и мне незачем нападать.

— Иногда мне кажется, что ты родилась без инстинкта самосохранения, — пробормотала я, складывая руки на груди. — Нормальный человек хотя бы обиделся бы.

— Я обиделась, — тихо ответила она, наконец подняв на меня глаза, и в её улыбке впервые за долгое время появилось что-то уставшее. — Просто иногда сил хватает только на то, чтобы пережить день. На обиду уже ничего не остаётся.

От этих слов у меня внутри неприятно кольнуло. Я отвела

взгляд, сделав вид, что рассматриваю двор, хотя на самом деле просто не хотела, чтобы она заметила выражение моего лица. Утешать людей я никогда не умела. Всё, на что меня хватало, — это язвить тем, кто причинял им боль.

Несколько минут мы молчали. Где-то внизу медсёстры перекрикивались через пост, в коридоре проехала скрипучая каталка, а потом снова стало спокойно, будто вся больница решила дать нам возможность договорить то, что слишком долго оставалось внутри.

— Эмма... — Мия вдруг закрыла крышку коробки и крепко прижала её к груди, словно это была не коробка с пластырями, а спасательный круг. — Можно я скажу тебе одну ужасно глупую вещь?

— Ты сейчас разговариваешь с человеком, который однажды получил выговор за то, что угнал инвалидную коляску ради гонок по коридору, — усмехнулась я, повернувшись к ней. — После этого удивить меня довольно сложно.

Она тихо рассмеялась, но смех быстро растворился.

— Мне совсем не страшно потерять ногу.

Я нахмурилась.

— Врёшь.

— Нет, — она медленно покачала головой и опустила взгляд на собственные ладони. — То есть конечно, страшно. Но не из-за неё самой.

Она ненадолго замолчала, словно пыталась подобрать слова, которые до этого никогда не произносила вслух.

— Я боюсь проснуться после операции и понять, что исчезла не только нога.

Я непонимающе посмотрела на неё. Мия глубоко вдохнула, собираясь с мыслями, а потом тихо продолжила:

— Помнишь, как доктор Брукс сказал, что человеку приходится заново учиться ходить? Так вот мне кажется, что мне придётся заново учиться быть Мией. Я всю жизнь танцевала, бегала, садилась на шпагат быстрее всех в группе, носилась по дому так, что мама не успевала меня поймать. Потом заболела, но всё равно оставалась собой. Просто медленнее. А теперь... — она нервно улыбнулась, пожав плечами. — А вдруг однажды я посмотрю в зеркало и увижу там совершенно другого человека? Не больного. Не здорового. Просто другого.

Я молчала. Не потому, что не знала, что ответить. Потому что понимала её слишком хорошо. Мне тоже было страшно однажды проснуться другим человеком. Только я боялась не зеркала. Я боялась дня, когда сердце перестанет справляться, и меня перестанут узнавать родители, друзья и я сама. Я медленно подошла к Мие, опёрлась бедром о подоконник и осторожно ткнула её пальцем в лоб.

— Ты знаешь, что происходит, когда человек теряет ногу? Она удивлённо посмотрела на меня.

— Нет.

— Он остаётся тем же самым занудой, который заставляет меня пить кофе без сахара, потому что «так полезнее».

Она тихо засмеялась.

— Я никогда такого не говорила.

— Говорила. Просто забыла.

— Неправда.

— Правда. И вообще, если после операции ты вдруг решишь стать серьёзной, я лично напишу жалобу доктору Бруксу.

Мия уже смеялась по-настоящему, вытирая выступившие слёзы тыльной стороной ладони.

— За что?

— За некачественную операцию. Потому что настоящая Мия обязана смеяться громче всех.

Она хотела что-то ответить, но в этот момент дверь гостиной распахнулась. На пороге стоял Джон, едва переводя дыхание после быстрого подъёма по лестнице.

— Девочки, — сказал он, улыбаясь какой-то слишком загадочной улыбкой. — Вас тут... приглашают.

Я вопросительно подняла бровь.

— Кто?

Джон усмехнулся и сложил руки на груди.

— Один очень виноватый молодой человек попросил передать, чтобы вся наша компания через пятнадцать минут поднялась на крышу.

— На крышу? — переспросила Мия, удивлённо округлив глаза.

— Именно.

Я недоверчиво посмотрела сначала на Джона, потом на Мию.

— Только не говорите, что Скаво опять что-то придумал.

— Не знаю, что именно он придумал, но последние два часа он носился по всей больнице быстрее санитаров, запрашивал капельницы у администрации, старые простыни у прачечной, бумагу у детского отделения и шоколад у кухни. Даже доктор Брукс сделал вид, что ничего не замечает.

Я тяжело вздохнула. Конечно. Если уж Питер чувствовал себя виноватым, то, судя по всему, собирался исправляться с тем же размахом, с которым обычно влипал в неприятности.

Глава 9

Некоторые собирают воспоминания. Она собирала поводы улыбаться.

— Если он снова решил перед кем-нибудь извиняться публично, — проворчала я, натягивая рукава своей толстовки почти до кончиков пальцев, — я развернусь и уйду.

— Не уйдёшь, — уверенно сказала Мия, наклоняясь за своей коробкой с пластырями.

— Это ещё почему?

— Потому что ты слишком любопытная.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент в гостиную заглянул Джон.

— Вы ещё здесь? — удивлённо спросил он, оглядывая нас так, будто ожидал увидеть пустую комнату. — Питер сказал, что если через десять минут никто не придёт, то он лично спустится за Эммой.

Я закатила глаза.

— Пусть попробует.

— Передать?

— Передай, что сначала ему придётся пережить меня.

Джон только хмыкнул и распахнул перед нами дверь. До крыши нужно было подняться ещё на два пролёта выше нашего отделения. Казалось бы, ерунда. Для любого здорово-

го человека. Для меня же каждая лестница превращалась в маленькое соревнование с собственным сердцем, которое почему-то всегда считало ступеньки своим личным врагом. Первые несколько ступенек я преодолела спокойно, привычно держась ладонью за прохладные металлические перила. Потом дыхание стало тяжелее, а где-то под грудиной появилась знакомая тупая тяжесть, словно кто-то незаметно положил внутрь грудной клетки кирпич. Я остановилась. Всего на несколько секунд. Просто чтобы дождаться, пока сердце перестанет колотиться так, будто собиралось выскочить наружу.

— Эмма, — негромко позвал Джон, уже поднявшийся на площадку этажом выше. Он не спускался обратно и не делал жалостливого лица, за что я была ему благодарна. Вместо этого он просто протянул мне руку и лениво улыбнулся. — Может, перестанешь изображать независимую женщину хотя бы на лестнице?

— Не дождёшься.

— Конечно. Но попробовать стоило.

Я поднялась ещё на несколько ступенек, чувствуя, как лёгкие неприятно жжёт. Джон всё так же молча ждал наверху, не торопя меня, и не повторяя дурацкое «ты как?», которое я ненавидела сильнее любой болезни. Когда до него оставалось всего две ступеньки, он снова протянул руку.

— Только попробуй сказать, что справишься сама.

— Справлюсь сама.

— Вот упрямая.

Он всё равно аккуратно взял меня за локоть, помогая преодолеть последние ступени так естественно, будто делал это уже тысячу раз.

— Никому не рассказывай, — тихо пробормотала я, стараясь отдышаться. — Репутация грозной стервы сама себя не сохранит.

— Поздно, — усмехнулся Джон. — Я уже видел, что ты милашка.

— Тогда придётся тебя убрать.

Мия тихонько рассмеялась, и её смех эхом разнёсся по пустой лестничной клетке. Наверху виднелась тяжёлая металлическая дверь, ведущая на крышу. Из-под неё пробивался тёплый жёлтый свет, а вместе с ним доносилась едва слышная музыка. Джон переглянулся с нами и, театрально потерев ладони, прошептал:

— Ставлю пять долларов, что Скаво опять нарушил минимум три больничных правила.

— Всего три? — фыркнула я, наконец выровняв дыхание. — Не недооценивай его.

Джон потянул на себя тяжёлую дверь, и холодный осенний ветер сразу ударил в лицо, растрепав волосы и заставив невольно прищуриться. Несколько секунд я почти ничего не видела, потому что с тёмной лестничной клетки мы вышли прямо в мягкий золотистый свет, который совершенно не вязался ни с больницей, ни с крышей, ни вообще с чем-либо,

что я ожидала увидеть. Я медленно сделала ещё один шаг и остановилась.

— Что... — выдохнула Мия рядом со мной.

Кажется, это было единственное слово, которое сейчас подходило. Крыша больше не выглядела крышей. По всему её периметру тянулись прозрачные трубки от капельниц, внутри которых мягко мерцали маленькие гирлянды, и издавдалека казалось, будто по ним течёт не физраствор, а жидкий тёплый свет.

Над нашими головами лениво покачивались десятки бумажных журавликов, звёзд и маленьких сердечек, вырезанных настолько неровно, что сразу становилось понятно — их делали дети, причём каждый вложил в свою фигурку столько старания, сколько только мог. Белые больничные простыни, натянутые между металлическими конструкциями, превратились в подобие шатра, который ветер то раздувал, словно парус, то снова отпускал, заставляя ткань мягко колыхаться над головами. Даже старые каталки, которые обычно возили пациентов по коридорам, сегодня выглядели иначе. Кто-то застелил их идеально выглаженной простынёй, расставил кружки с горячим чаем, печенье, шоколадки, мандарины и несколько стеклянных банок, в которых вместо цветов стояли сухие осенние ветки с красными листьями. И почему-то именно это выглядело самым красивым. Не дорогие украшения. Не идеальный порядок. А ощущение, будто всё здесь собрано руками человека, который очень хотел исправить соб-

ственную ошибку.

— Ну... — раздался знакомый голос.

Я подняла голову. Питер стоял возле импровизированного стола, засунув руки в карманы толстовки, и впервые с момента нашего знакомства выглядел так, словно совершенно не понимал, куда деть собственные руки. Рядом с ним, поправляя один из бумажных фонариков, спокойно стоял Майк, а выражение его лица говорило лишь об одном: да, он помогал, но никогда добровольно в этом не признается.

— Привет, — осторожно произнёс Питер, виновато улыбувшись. — Не был уверен, что вы вообще придёте.

Я молча обвела взглядом крышу ещё раз, замечая всё новые мелочи. На одной из простыней были нарисованы маленькие жёлтые листья, на другой — смешные рожицы, а возле стены кто-то поставил старую больничную стойку для капельницы, с которой теперь свисали бумажные origami вместо пакетов с лекарствами. Он потратил на это несколько часов. Обошёл половину больницы. Попросил помощи у персонала. Каким-то невероятным образом уговорил Майка добровольно заниматься рукоделием. И всё это только потому, что сказал одну глупую фразу. Чёрт возьми. Мне совершенно не хотелось признавать, что я впечатлена. Поэтому я лишь сложила руки на груди и, стараясь сохранить самое недовольное выражение лица, на которое была способна медленно посмотрела на Питера.

— Если это попытка подкупить меня шоколадом, — ска-

зала я, кивнув в сторону стола, — то вынуждена тебя разочаровать. Я стою значительно дороже.

Несколько секунд он смотрел на меня так серьёзно, что я уже решила — не понял шутку. Потом уголки его губ всё-таки дрогнули.

— Ну вот, — облегчённо выдохнул он, театрально прижимая ладонь к груди. — А я уже испугался, что Эльзу окончательно заморозило.

— Не лсти себе, — фыркнула я, пряча невольную улыбку. — Просто я ещё не решила, чем именно тебя убить.

Позади меня продолжал звучать смех. Не громкий, не показной, а тот самый, который рождается сам собой, когда людям действительно хорошо рядом друг с другом. Я обернулась всего на секунду и невольно задержала взгляд на нашей маленькой компании. Джон уже успел где-то раздобыть огромный зелёный термос и теперь с видом профессионального бариста разливал чай по разномастным кружкам, которые явно собирал по всей больнице, Майк молча держал стопку бумажных стаканчиков и, как обычно, не вмешивался в происходящее без необходимости, а Мия сидела на складном стульчике между ними, закутавшись в огромный клетчатый плед почти до самого носа. Вернее, закутали её мальчишки. Пока Джон ворчал, что «на крыше холоднее, чем в морозилке», Майк совершенно спокойно поднялся со своего места, молча расправил плед и осторожно укрыл им её плечи,

словно это было самым естественным поступком на свете.

— Эй, — возмутилась Мия, высовывая наружу только нос. — Я вообще-то ещё не превратилась в сосульку.

— Пока нет, — ответил Джон, подталкивая ей кружку с чаем. — Но я не собираюсь объяснять доктору Бруксу, почему ты решила заработать какое-нибудь воспаление ради красивого вида.

— Зато вид действительно красивый, — пробормотала она, прижимая ладони к горячей кружке. — Иногда ради такого можно и замёрзнуть.

— Нет уж, — вмешался Майк, спокойно поправляя край пледа, который ветер снова пытался стащить с её плеч. — Замерзать будешь после выписки. Сейчас это слишком дорогое удовольствие.

Мия только закатила глаза и улыбнулась так искренне, что я неожиданно поймала себя на мысли: наверное, именно ради таких улыбок Питер и носился сегодня несколько часов по всей больнице, выпрашивая простыни, капельницы и шоколад.

Я тихо отошла чуть дальше, туда, где свет от самодельных гирлянд становился мягче и почти не перебивал звёзды. Осенью небо всегда казалось ближе, чем летом. Воздух становился прозрачнее, холоднее, а созвездия словно вспыхивали ярче, будто понимали, что скоро их снова спрячут тяжёлые зимние облака. Я медленно опустилась прямо на прохладный бетон, подтянула колени к груди и, обхватив их ру-

ками, позволила себе впервые за долгое время просто смотреть вверх, ни о чём не думая. Хотя нет. Думала я слишком много. О том, что завтра всё снова станет обычным. Мы вернёмся в палаты, врачи — к анализам, медсёстры — к бесконечным таблеткам и капельницам, а сегодняшний вечер останется всего лишь воспоминанием, которое со временем обязательно станет одним из тех моментов, по которым начинаешь скучать ещё до того, как он закончился.

Я услышала шаги ещё до того, как рядом кто-то остановился. Только один человек в этой больнице умудрялся ходить так, будто специально предупреждал весь мир о своём приближении. Сначала негромко стукнул носком кроссовка по металлическому порогу, потом задел какой-то камешек, который с тихим звоном покатился по крыше, а уже через секунду рядом со мной опустился Питер, оставив, между нами, достаточно места, чтобы я не смогла обвинить его в нарушении личных границ.

Несколько секунд он ничего не говорил. Для него это было почти подвигом.

— Начинаю переживать, — наконец произнёс он, тоже поднимая голову к небу, будто пришёл сюда исключительно ради созерцания звёзд. — Ты молчишь уже минуты три. Я даже проверил, не уснула ли.

Я не повернула головы.

— Если бы уснула, ты бы уже разбудил меня каким-нибудь идиотским вопросом.

— Например?

— Например: «Эльза, а снег в твоём королевстве тоже храпит?»

Он тихо рассмеялся, а потом театрально прижал ладонь к груди.

— Вот видишь. Значит, чувство юмора у тебя всё-таки есть.

— Нет. Просто ты слишком предсказуемый.

— Обидно.

— Переживёшь.

Он качнул головой, улыбаясь себе под нос, а потом тоже замолчал. На этот раз тишина не раздражала. Наверное, потому что её не приходилось заполнять. Ветер лениво перебирал края простыней, где-то позади снова засмеялась Мия, Джон принялся доказывать, что горячий шоколад — это вообще-то суп, а не напиток, и только Майк, кажется, продолжал делать вид, то совершенно не участвует в разговоре, хотя уголки его губ предательски выдавали обратное.

— Ты всё ещё злишься? — неожиданно спросил Питер, не отрывая взгляда от неба.

Я медленно пожала плечами.

— А как ты думаешь?

— Думаю, если бы очень сильно злилась, то столкнула бы меня с крыши ещё минут пять назад.

— Не льсти себе, — усмехнулась я, покосившись на него.

— Я бы сначала дождалась, пока ты доешь шоколад. Жалко

продукты.

Он тихо фыркнул.

— Уже лучше.

— Что именно?

— Ты снова язвишь.

— Это мой язык любви.

— Тогда мне сегодня крупно повезло, — ехидно улыбнувшись, прошептал он.

Я закатила глаза так выразительно, что он рассмеялся уже вслух.

— Когда-нибудь, — пробормотала я, снова переводя взгляд на звёзды, — ты дошутишься.

— Надеюсь на это, снежная королева.

Несколько секунд мы снова молчали, и именно в эту тишину он вдруг сказал совсем другим голосом — спокойным, без привычной улыбки и постоянной игры.

— Мне правда стыдно, Эмма.

Я повернулась к нему.

Впервые за всё время он не пытался перевести всё в шутку. Не улыбался. Не строил смешных гримас. Просто сидел рядом, сцепив пальцы в замок, и смотрел куда-то вперёд.

— Я понял, что сказал, только когда увидел её лицо, — тихо продолжил он, тяжело выдохнув. — Хотел разрядить обстановку. Получилось, наоборот.

Я долго смотрела на него, потом снова перевела взгляд на ребят. Мия уже смеялась над очередной глупостью Джона,

придерживая кружку обеими руками, Майк в который раз поправил плед на её плечах, а сам делал вид, будто вообще не замечает, что заботится о ней.

— Знаешь, никто долго на тебя не обижался. К сожалению, — тихо произнесла я. — Все понимали, что ты неудачно пошутил.

Питер мягко посмотрел на меня. В его глазах, цвета сегодняшнего заката, я заметила краткую благодарность. Я помолчала ещё несколько секунд, потому что слова давались неожиданно тяжело.

— Я удивлена.

Он нахмурился.

— Тем, что я придурок?

— Это я поняла ещё в первый день, — пробормотала я, стараясь, чтобы голос прозвучал так же равнодушно, как обычно.

Он улыбнулся, и я вдруг поняла, что впервые вижу эту улыбку без привычного озорства. Она не пыталась меня задеть, не провоцировала на очередную перепалку и не скрывала за собой очередную колкость. В ней было что-то удивительно тёплое и спокойное, отчего стало совсем нехотать трудно вспомнить, почему ещё неделю назад этот парень раздражал меня одним своим существованием.

Я медленно обвела взглядом всю крышу — гирлянды в трубках от капельниц, бумажных журавликов, которые кружились на ветру, смешные рисунки детей из онкологическо-

го отделения — и неожиданно поймала себя на мысли, что уже не вижу перед собой больничную крышу. Я видела место, которое кто-то очень старался сделать похожим на дом.

— Всем этим, — наконец сказала я, кивнув вокруг. — Честно говоря, я думала, ты умеешь только много болтать.

Он улыбнулся совсем иначе, чем обычно. Не широко. Не самоуверенно. Просто тепло.

— А оказалось?

Я негромко вздохнула.

— Оказалось, что иногда ты ещё и делаешь.

Несколько секунд он ничего не отвечал, а потом тихо произнёс:

— Это, наверное, самый приятный комплимент, который я когда-либо от тебя слышал.

Я тут же фыркнула.

— Не привыкай.

— Поздно.

Он посмотрел на меня с той самой улыбкой, которая начинала раздражать меня меньше обычного.

— Потому что теперь я знаю, что где-то глубоко внутри Эльзы всё-таки живёт тёплая Эмма.

— Ошибаешься, — ответила я, едва заметно улыбнувшись. — Она там давно замёрзла.

Глава 10

Есть болезни, которые видны на снимках. И есть те, которые живут внутри сердца.

Я проснулась ещё до того, как в коридоре привычно за скрипели колёса медицинской тележки. Наверное, организм уже давно выучил расписание лучше любого будильника. Сначала просыпалась я. Потом сердце напоминало, что оно существует. Затем появлялась Лора с таблетками и очередной попыткой сделать из меня добропорядочного пациента. Ничего нового. Именно поэтому, услышав знакомый скрип за дверью, я даже не открыла глаза.

— Если вы опять пришли портить мне утро, — пробормотала я в подушку, — то вынуждена сообщить, что оно уже испорчено самим фактом моего пробуждения.

— Доброе утро и тебе, солнышко, — ответила Лора, открывая дверь бедром, потому что обе руки были заняты планшетом и пластиковым стаканчиком с таблетками. — Иногда я думаю, что ты специально придумываешь новые способы встретить меня без единого намёка на дружелюбие.

Я медленно высунула лицо из-под одеяла.

— А иногда я думаю, что вы приходите сюда исключительно ради того, чтобы проверить, жива ли ваша любимая пациентка.

— Проверить — да. Любимая — спорный вопрос.

— Поздно оправдываться.

Лора негромко рассмеялась, поставила стаканчик на тумбочку и привычным движением поправила край моего одеяла.

— Как самочувствие?

— Прекрасно. Собираюсь пробежать марафон, потом покорить Эверест, а вечером пересадить себе здоровое сердце.

— Значит, голова работает как обычно.

— Спасибо за комплимент.

Она покачала головой, взяла пульсоксиметр и привычно надела его мне на палец.

— Голова работает, язык тоже. Уже неплохо.

Я наблюдала, как она внимательно смотрит на экранчик прибора, записывает цифры в планшет и машинально считает пульс.

— Голова не кружилась?

— Нет.

— Боль в груди?

— Нет.

— Одышка сильнее обычного?

— Только когда некоторые медсёстры начинают задавать слишком много вопросов.

— Понятно, — спокойно кивнула Лора, будто действительно записала мой ответ в карту. — Значит, состояние стабильное.

Я взяла таблетки, одну за другой отправила их в рот и запила водой, привычно морщась.

— Когда-нибудь вы признаетесь, что специально покупаете самые горькие лекарства?

— Конечно. Мы с доктором Бруксом каждую пятницу проводим тайное собрание и выбираем, чем ещё испортить тебе жизнь.

— Я так и знала.

Лора неожиданно прищурилась и посмотрела на меня так внимательно, что мне сразу не понравилось выражение её лица.

Слишком довольное.

— Что? — насторожилась я.

— Ничего.

— Лора.

— Совсем ничего, — она улыбнулась так, будто снова насмотревшись своего любимого турецкого сериала, запаслась новой сплетней или новостью.

Я прищурилась, смотря на неё, дав понять, что не отстану.

— Скажи честно... Питер тебе всё-таки понравился? —

Лора прищурилась в ответ, опираясь бедром о подоконник, и сложила руки на груди так, будто собиралась сейчас провести самый серьёзный допрос в моей жизни.

Я как раз сделала глоток воды и тут же закашлялась.

— Господи... — прохрипела я, ставя стакан обратно на тумбочку и недоверчиво посмотрев на неё. — Вы серьёзно?

— Более чем, — кивнула Лора, едва сдерживая улыбку.
— Не каждый день вижу, как одна очень вредная пациентка перестаёт рычать на одного очень конкретного человека.

— Лучше измерьте мне температуру, — пробормотала я, откидываясь на подушку и театрально прикладывая ладонь ко лбу. — Кажется, бред начался не у меня, а у вас.

— Температуру измерю позже, — спокойно ответила Лора, открывая планшет и делая какие-то пометки. — А пока ответь на вопрос.

— Нет.

— Я ещё не договорила.

— А мой ответ уже готов.

Лора тихо рассмеялась, закрыла планшет и подошла ближе к кровати.

— А что? — она пожала плечами, поправляя капельницу, стоявшую возле стены. — Симпатичный парень.

— Не замечала.

— Высокий.

— Шкаф тоже высокий, — пожала я плечами, делая вид, что меня куда больше интересует окно, чем этот разговор.

— Красивый.

— Это субъективно.

— С хорошим чувством юмора.

— Вот здесь мы точно расходимся во мнениях, — фыркнула я, скрестив руки на груди. — Если человек считает смешными свои собственные шутки, это уже диагноз.

— А мне показалось, что вчера вечером ты над некоторыми всё-таки улыбалась.

— Это был приступ слабости.

— Ну, конечно.

— И вообще, — продолжила я, поджимая ноги под себя, — он меня раздражает.

— Настолько, что ты разговаривала с ним почти полчаса?

— Лора вопросительно подняла бровь и посмотрела на меня поверх очков.

— Исключительно в воспитательных целях.

— Ага.

— Не верите.

— Совсем не верю, — честно призналась она, и уголки её губ тут же поползли вверх.

Я тяжело вздохнула и закатила глаза.

— Почему взрослые люди так любят всё выдумывать?

— Мы не выдумываем, мы замечаем очевидное.

— Особенно когда не касается их самих.

Лора тихо рассмеялась.

— Эмма, — протянула она уже мягче, присаживаясь на край соседней кровати. — Иногда полезно перестать видеть во всех угрозу.

Я ненадолго замолчала.

— А кто сказал, что я вижу в нём угрозу?

— Тогда почему ты так старательно убеждаешь всех вокруг, что он тебе безразличен?

Я уже открыла рот, чтобы ответить очередной колкостью, но дверь палаты неожиданно распахнулась с таким грохотом, что мы обе одновременно повернули головы.

— Эмма! — радостно воскликнула Мия, буквально влетая внутрь, размахивая небольшой серебристой бутылочкой так, словно только что выиграла Олимпиаду. — Я его нашла!

Я подозрительно прищурилась.

— Кого?

— Не кого, а что! — она победно подняла флакон над головой и широко улыбнулась. — Тоник!

— Очень за тебя рада, — невозмутимо ответила я, снова устраиваясь на подушке поудобнее. — Пользуйся на здоровье.

— Не для меня.

Я медленно перевела взгляд с бутылочки на её слишком довольное лицо.

— Нет.

— Да.

— Мия...

Она подошла к моей кровати, упёрла свободную руку в бок и посмотрела на меня тем взглядом, которым обычно врачи сообщают, что спорить бесполезно.

— Пора подкрасить твою прядку.

Я машинально коснулась светлой пряди возле виска и недовольно поморщилась.

— Она прекрасно выглядит.

— Она выцвела.

— Это называется естественный оттенок.

— Это называется «ты уже месяц обещаешь её обновить».

— Я была занята.

— Чем?

— Болела, — пожала я плечами с таким видом, будто привела самый весомый аргумент на свете.

Я тихо вздохнула и посмотрела сначала на Лору, потом на Мию.

— Вы обе однажды сведёте меня в кардиологию.

Лора рассмеялась первой.

— Эмма, — сказала она, направляясь к двери, — ты вообще-то уже в ней числишься.

Я несколько секунд молча смотрела ей вслед, а потом обречённо простонала:

— Иногда мне кажется, что вы все собрались здесь исключительно для того, чтобы издеваться надо мной.

— Неправда, — весело ответила Мия, уже откручивая крышку флакона. — Мы тебя ещё и любим.

Ни одного спокойного утра. Мия уже десять минут скакала вокруг моей кровати с тоником в руке, словно проводила какой-то древний шаманский ритуал, от которого зависела не только судьба моих волос, но и, судя по её серьёзному выражению лица, возможно, всего отделения. Она то подходила ближе, рассматривая мои пряди у окна, то отходила назад, прищуривалась и наклоняла голову в сторону, будто пыта-

лась увидеть будущее в моём цвете волос.

Иногда мне казалось, что она и Лора каким-то образом родственницы. Не знаю, возможно, у них где-то существует тайное семейное собрание людей, которые считают своим долгом приносить в жизнь окружающих хаос, громкую музыку и слишком много энтузиазма с самого утра. Другого объяснения их неиссякаемой жизнерадостности я просто не находила.

После того как я привела себя в порядок и переделалась в заранее подготовленную футболку для экспериментов Мии с волосами, я наконец смогла сесть напротив окна. Подготовленная — это, конечно, громко сказано. Просто Мия однажды увидела, как я испортила любимую футболку краской, и решила, что теперь все мои вещи должны быть «защищены от Эммы». Учитывая её способности, я бы сказала, что защищать нужно было скорее комнату.

С того самого раза, когда она предложила мне попробовать тоник, я больше не сопротивлялась. Не потому, что вдруг полюбила яркие цвета или внезапно решила превратиться в человека, который носит одежду с принцессами и улыбается незнакомцам в коридоре. Просто я поняла одну вещь — спорить с Мией было бесполезно. Она могла проиграть спор. Но всё равно сделать по-своему.

Мои волосы всегда были цвета угля. Тёмные, почти чёрные, и Мия постоянно говорила, что они выглядят так, будто их специально создавали для какого-нибудь дорогого шам-

пуня из рекламы. Я считала это преувеличением. Она считала, что я ничего не понимаю в красоте. Возможно, в этом вопросе она была права. Мия слишком хорошо умела замечать то, что другие давно переставали видеть. Наверное, именно поэтому она так часто восхищалась моими волосами.

Когда-то у неё самой были длинные золотистые волосы, которыми она гордилась больше всего на свете. Однажды она показывала мне фотографии из телефона, где стояла перед зеркалом с огромной копной локонов и улыбалась так ярко, что даже через экран было понятно — тогда она чувствовала себя счастливой. Она долго листала снимки, вспоминая, как укладывала волосы по часу перед школой, а потом, заметив мой взгляд, с улыбкой сказала, что раньше выглядела как настоящая принцесса. Я тогда, конечно же, не могла просто согласиться. Я сказала, что она скорее выглядела как человек, который слишком сильно поверил рекламе шампуня. Она сначала возмущённо посмотрела на меня, прижав телефон к груди, но уже через несколько секунд рассмеялась. Мия всегда так делала. Она могла обидеться. Но никогда не умела долго злиться.

— Обожаю эту футболку, — тихо пробормотала она, аккуратно отделяя очередную прядь и нанося на неё тоник. Её брови были слегка сведены от концентрации, словно она не волосы красила, а проводила сложнейшую медицинскую операцию.

Я опустила взгляд на розовую ткань с изображением

нескольких принцесс и несколько секунд молча изучала этот предмет одежды, который совершенно не соответствовал моему характеру.

— С принцессами? — я приподняла бровь, глядя на своё отражение в окне. — Серьёзно?

Мия даже не подняла головы, продолжая осторожно распределять цвет по волосам.

— Конечно.

Она произнесла это таким тоном, будто я спросила, нравится ли ей дышать. Я тихо вздохнула и провела пальцами по ткани футболки.

— Тогда зачем ты отдала её мне?

Только после этого она посмотрела на меня через отражение и улыбнулась.

— Потому что хочу чаще видеть тебя не только в чёрном.

Я уже собиралась придумать очередную колкость, но на секунду замолчала. Потому что Мия сказала это слишком просто. Без жалости. Без попытки изменить меня. Просто как факт. Будто она действительно верила, что мне идёт что-то кроме вечного траура.

— Ты понимаешь, что иногда ведёшь себя так, будто решила меня усыновить? — спросила я, наблюдая за тем, как она снова возвращается к моим волосам.

Мия тихо рассмеялась и слегка покачала головой, не прекращая работу.

— А ты иногда ведёшь себя так, будто тебе запрещено по-

лучать удовольствие.

Я снова хотела возразить. Правда хотела. Но вместо этого только закатила глаза. Потому что самое раздражающее в Мии было то, что иногда она попадала точно в цель. Через пару минут она снова начала напевать. Сначала тихо, почти себе под нос, а потом всё громче, пока я не поняла, что мой утренний план провести хотя бы десять минут в тишине окончательно провалился. Конечно же, это были песни принцесс. Все. Абсолютно все.

Казалось, у Мии был отдельный внутренний плейлист, который включался каждый раз, когда ей становилось грустно или просто хотелось сделать окружающим людям немного веселее. Я фыркнула, но не остановила её. Потому что я любила, когда Мия пела. Не потому, что у неё был идеальный голос. Иногда её высокие ноты действительно хотелось запретить законом. Но когда она пела, я слушала её. А не своё сердце. Не этот слишком громкий стук внутри груди, который напоминал мне о болезни даже в самые обычные моменты. Не больницу. Не скрип каталок. Только Мию.

Даже когда её песни принцесс постепенно сменились на «Холодное сердце», а через несколько минут она уже пыталась взять ноту, которую, кажется, сама природа запретила для всего человечества, я всё равно ничего не сказала. Просто сидела у окна и позволяла ей быть собой. Потому что, возможно, именно это мне в ней и нравилось больше всего. Мия никогда не заставляла меня становиться другой.

Она просто каждый день напоминала, что даже у человека, который привык жить в темноте, всё ещё может появиться немного диснеевского цвета.

Глава 11

Некоторые встречи меняют всю жизнь. Даже если длятся всего несколько месяцев.

Я снова проснулась посреди ночи. Не потому, что мне приснился кошмар или кто-то разбудил меня шумом в коридоре. Всё было намного банальнее и, что раздражало больше всего, привычнее. Иногда мне казалось, что моё сердце — единственное существо в этой больнице, которое совершенно не умеет соблюдать тишину. Вокруг могли спать люди, врачи могли наконец уйти с поста, аппараты могли перестать пищать, но оно всё равно продолжало напоминать о себе каждым ударом, будто специально проверяло, насколько сильно может вывести меня из себя.

Я лежала на спине, глядя в потолок, и пыталась игнорировать этот звук. Не получилось. Через несколько минут я сдалась, раздражённо отбросила одеяло и села на кровати.

— Великолепно, — тихо пробормотала я, прижав ладонь к груди. — Даже ночью у меня нет возможности от тебя отдохнуть.

Конечно, сердце ничего не ответило. Хотя иногда мне казалось, что оно делает это специально. Я осторожно поднялась, накинула толстовку поверх тёплой пижамы и вышла в коридор.

Ночная больница всегда казалась мне немного ненастоящей. Днём здесь было слишком много всего: голоса врачей, разговоры пациентов, смех Мии, вечные споры Джона и даже Питер, который умудрялся познакомиться с человеком за тридцать секунд. А ночью всё исчезало. Оставалась только тишина. И мысли. А мысли, как известно, редко бывают хорошей компанией. Именно поэтому я поднялась на крышу. Не потому, что хотела устроить красивую сцену, как в фильмах, где главный герой стоит под дождём и осознаёт смысл жизни. Хотя, если честно, больничная крыша действительно слишком хорошо подходила для людей с проблемами. Наверное, где-то существовало негласное правило: если у тебя сложная жизнь — найди крышу, посмотри вдаль и задумайся о прошлом. Я просто хотела немного тишины.

Холодный воздух сразу ударил в лицо, заставив меня плотнее запахнуть толстовку, но я всё равно подошла и села на раскладной стульчик. Город внизу жил своей жизнью. Горели окна домов. Где-то проезжали машины. Люди возвращались домой, ругались из-за мелочей и даже не представляли, что в это же время кто-то сидит на крыше больницы и ведёт очередной спор с собственным организмом. Я достала из кармана небольшой блокнот. Он давно стал частью моей ночной рутины. Некоторые люди ведут дневники. Некоторые записывают планы. А я писала письма. Точнее, одному человеку. Маме. Хотя она никогда их не увидит.

Я открыла чистую страницу, взяла карандаш и несколь-

ко секунд просто смотрела перед собой. Иногда мне казалось странным, что можно годами писать человеку, который даже не знает, где ты находишься. Но, наверное, в этом и был смысл. Некоторые слова нужны не тому, кто их получает. А тому, кто их пишет. Я склонилась над блокнотом и начала выводить первые строчки. Через несколько минут дверь на крышу открылась. Я даже не сразу подняла голову. Почему-то я уже знала, кто это. Наверное, потому что только один человек в этой больнице обладал удивительной способностью появляться именно тогда, когда его меньше всего ждёшь.

— Знаешь, обычно люди предупреждают, когда собираются устраивать ночные посиделки на крыше.

Я медленно подняла взгляд.

Питер стоял у двери, придерживая её одной рукой, а второй поправляя рукав своей толстовки. Конечно. Кто ещё.

— Обычно люди не приходят ночью на крышу больницы, — ответила я, закрывая блокнот, сделав карандаш закладкой между страниц.

Питер прикрыл дверь за собой и неспешно подошёл ближе, слегка улыбаясь.

— Забавно.

Он опустил взгляд на меня, а потом на пустое место рядом.

— Потому что мы оба сейчас здесь.

Он сел рядом, оставив, между нами, небольшое расстоя-

ние, и посмотрел на город. Я ничего не сказала. И, к моему удивлению, он тоже не начал заполнять тишину. Это было подозрительно.

— Ты простудил горло? — спросила я, повернув голову в его сторону. — Или случилось что-то настолько серьёзное, что ты решил пять минут помолчать?

Питер тихо усмехнулся и покачал головой.

— Нет, просто решил проверить, умею ли я это делать.

Он задумчиво посмотрел перед собой.

— Нет, думаю, что нет.

— Неожиданное открытие.

Он улыбнулся, но спорить не стал. Несколько секунд мы просто сидели молча. Потом он нагло начал на меня пялиться.

— Почему не спишь?

— Не получается, — я пожала плечами, проводя пальцами по краю блокнота.

Питер внимательно посмотрел на меня.

— Из-за чего?

Я закатила глаза.

— Скаво, ты всегда задаёшь вопросы так, будто собираешь информацию для досье?

— Просто спрашиваю, — он чуть поднял руки, показывая, что сдаётся.

Я посмотрела на него несколько секунд, а потом постучала пальцами по груди.

— Мешает.

Его взгляд сразу опустился на мою руку.

— Оно слишком громкое. Иногда мне кажется, что оно специально пытается привлечь внимание. Будто ему мало того, что оно и так самое проблемное место во мне.

Питер слегка нахмурился, но не начал говорить то, что обычно выдают люди. «Всё будет хорошо». «Не думай об этом». «Не переживай». Он просто сидел рядом. Но счастье тишины длилось недолго.

— Может, оно стало сильнее барахлить из-за кого-то? — с ехидной улыбкой наклонился он ко мне ближе.

— Ты можешь помолчать?

— Может из-за одного симпатичного парня, например? — он подвинулся ко мне ещё ближе.

— Ты про Майка? — уже я с ехидной улыбкой посмотрела на него и встала со стула.

Питер лишь кратко усмехнулся, дав понять, что закончил.

— Оно похоже на тебя, — сказал он спустя несколько секунд, лениво крутя в руках край рукава и показывая мне на грудь.

— В каком смысле?

— Такое же упрямое.

Я прищурилась.

— Ты сейчас сравнил меня с моим сердцем?

— Да, — он кивнул так спокойно, будто сказал что-то совершенно очевидное.

— Это оскорбление.

— А мне кажется, комплимент.

— У тебя странное понимание комплиментов.

— У тебя странное понимание о симпатичных парнях.

Я хотела ответить что-нибудь язвительное, но вместо этого только тихо усмехнулась. Питер снова посмотрел на мой блокнот, что остался на стуле.

— Ты рисовала?

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Очень убедительно. Кого рисуешь?

На секунду я замолчала.

Потом обернулась и посмотрела на блокнот, который он уже держал в своих руках.

— Положи, это личное, — очень резко сказала я, сама того не ожидая.

Питер медленно вернул блокнот на своё место, разводя руками в разные стороны, как разводят заложники, если в них целятся. Я же кинула на него злобный взгляд, отошла в сторону и наблюдала за ночным городом. Спустя пару минут, стало очень холодно. Конечно, подавать виду я не собиралась. Вот только когда застучали зубы, я решила, что пора возвращаться.

Обернувшись, я увидела, как Скаво уже принёс свой термос, печеньки и плед на котором нарисованы морские обитатели.

— Я не хочу, чтобы доктор Брукс потом ругал нас, за наше новое место. А он будет, если продолжишь там стоять, так что садись, — он придвинул стулья ближе друг к другу, открыл термос и наливал чай в одноразовые стаканчики.

Я же, стараясь сохранить невозмутимое лицо, уселась, накинув ногу на ногу и скрестив свои ледяные руки на груди.

— Держи, Эльза, — протянул мне стакан, а после накинул на мои плечи свой плед.

Подув в стаканчик, чтобы остудить кипяток, я почувствовала запах ромашки. Он заварил ромашку?

— Вкусно, — безэмоционально выдала я.

— Ромашка с мёдом. Поможет хоть немного успокоиться твоему моторчику.

Мои щёки моментально покраснели и точно не из-за холода или горячего напитка. Я сделала ещё один глоток чая, осторожно придерживая стакан обеими руками, и всё ещё пыталась понять, почему меня вообще так сильно раздражает происходящее. Питер Скаво сидел рядом со мной на крыше больницы, укрыв меня своим пледом, хотя я даже не просила, принёс чай, хотя я собиралась сделать вид, что мне совершенно не холодно, и каким-то чудом умудрялся делать всё это так спокойно, будто не совершал невероятно добрый поступок, за который я теперь должна была бы чувствовать благодарность. А я ненавидела чувствовать благодарность. Потому что благодарность делала людей ближе. А близость всегда была опасной. Особенно для меня.

Я привыкла, что люди либо жалеют меня, либо боятся сказать что-то не то, либо начинают обращаться со мной так, будто я сделана из стекла и могу разбиться от одного неосторожного слова. Питер же вёл себя так, будто я обычный человек.

— Ты сейчас смотришь на меня так, будто пытаешься найти доказательство того, что я психопат, — усмехнулся он, заметив мой взгляд, и чуть наклонил голову в сторону, рассматривая меня с той самой спокойной улыбкой, которую я до сих пор не могу понять.

Я медленно отвела взгляд к городу, сделав ещё один глоток чая.

— Я просто пытаюсь понять, в какой момент ты стал настолько подозрительно нормальным.

Питер тихо рассмеялся, опустив взгляд на свой стакан, который он держал в руках, согревая пальцы.

— Подозрительно нормальным?

— Да, — я пожала плечами, поправляя край пледа на своих плечах, хотя делать это было совершенно необязательно. — Обычно люди, которые с первого дня нравятся всем в больнице, либо что-то скрывают, либо слишком много смотрели мотивационных видео.

Он задумчиво посмотрел куда-то вверх, словно действительно анализировал мои слова.

— А если я просто хороший человек?

Я повернула голову и посмотрела на него с самым серьёз-

ным выражением лица, на которое была способна.

— Тогда это ещё подозрительнее.

Питер усмехнулся и покачал головой.

— Знаешь, Эльза, иногда мне кажется, что ты специально ищешь повод не доверять людям.

Я уже приготовила язвительную фразу. Но он сказал это не с упрёком. Просто как наблюдение. Поэтому я лишь фыркнула и отвернулась.

— Иногда мне кажется, что ты слишком много замечаешь.

— А ты делаешь вид, что тебе всё равно, но замечаешь каждую мелочь.

Я хотела возразить. Правда хотела. Но вместо этого только сильнее закуталась в плед. Потому что он снова сказал что-то раздражающе близкое к правде. Чтобы сменить тему, Питер вдруг достал телефон из кармана и протянул мне один наушник, удерживая его между пальцами.

— Держи.

Я посмотрела сначала на него, потом на наушник, словно он предложил мне не музыку послушать, а что-то незаконное.

— Это что?

Он приподнял бровь.

— Очень интимный момент вообще-то.

— Наушники?

— Для тебя — да.

Питер спокойно надел второй наушник и включил музы-

ку. Я закатила глаза, но всё же сдалась. Через несколько секунд в голове зазвучала музыка. Я нахмурилась. Медленно. Очень выразительно. Питер заметил это сразу. Конечно. Он вообще слишком хорошо замечал мои реакции.

— Я просто пытаюсь понять, почему человек с таким лицом слушает именно это.

— А что не так с моим лицом?

Я окинула его взглядом.

— Ничего. Просто я ожидала что-нибудь спокойное. Может, классику. Или музыку для людей, которые выращивают цветы и никогда не повышают голос.

Питер рассмеялся, запрокинув голову назад.

— А я ожидал, что ты слушаешь что-то вроде «я ненавижу весь мир».

Я задумалась на секунду.

— Это даже не песня.

— Но подходит ведь, — он смеялся уже громче.

— Это рок?

— Да, — он кивнул, переключая трек.

Я посмотрела на него с притворным разочарованием.

— Почему я не удивлена?

— Потому что ты слишком быстро меня раскусила.

— Нет, потому что у тебя вид человека, который будет говорить: «Эта песня изменила мою жизнь», а потом выяснится, что он просто услышал её три года назад в случайном видео.

Питер прижал руку к груди, изображая оскорбление. Мы оба улыбнулись. И на несколько минут наступила тишина. Но не та, от которой мне хотелось сбежать. А та, в которой не нужно было ничего доказывать друг другу. Мы просто сидели рядом, слушая одну музыку на двоих, и я вдруг поймала себя на мысли, что впервые за долгое время не прислушиваюсь к каждому удару своего сердца. Наверное, потому что была занята другим.

— Я пишу письма, — неожиданно сказала я.

Слова вырвались сами. Питер не повернулся резко и не начал задавать вопросы один за другим. Он просто убавил громкость музыки, снял наушник и посмотрел на меня, давая понять, что слушает.

— Кому?

Я опустила взгляд на блокнот, лежащий рядом на моём стуле, и провела пальцем по его потрёпанной обложке.

— Маме.

Несколько секунд он молчал. А потом лишь слегка кивнул, будто принял эту информацию так же спокойно, как если бы я сказала, что люблю кофе.

— Она никогда их не увидит. Она ушла от нас с папой, когда мне было пять.

Я пожала плечами, стараясь говорить привычно равнодушно. Получалось плохо. Питер посмотрел на блокнот, но не прикоснулся к нему. Даже не попытался.

— Почему тогда пишешь?

— Не знаю.

Я подтянула ноги ближе к себе и посмотрела на огни города.

— Наверное, потому что иногда проще написать человеку, чем признать, что тебе всё ещё хочется ему что-то сказать.

Питер ничего не ответил. Только снял свой браслет, который я раньше уже замечала торчащим из его длинных толстовок, взял мою руку в свою, от чего мне сильно захотелось резко встать, и положил его в мою ладонь.

— У меня тоже есть кое-что странное.

Я внимательно посмотрела на кожаный браслет. Обычный, не считая цифр. Словно кто-то специально их вытеснил чем-то.

— Это просто числа.

— Все так думают, — он немного повернул его, чтобы цифры были лучше видны, — но это координаты.

— Координаты чего?

— Места, где я хотел бы жить.

Я несколько секунд молчала, а он улыбнулся.

— Мне нравится думать, что однажды я там окажусь.

Я посмотрела на его лицо. На этот раз он не улыбался для кого-то. Не пытался поднять настроение. Не шутил. Просто говорил о своей мечте.

— И где это?

Питер посмотрел на меня и слегка улыбнулся.

— Когда-нибудь покажу.

Я сразу прищурилась.

— Очень удобно.

— Что именно?

— Сначала рассказываешь что-то интригующее, а потом оставляешь меня без ответа.

Он тихо рассмеялся и снова надел наушник.

— Значит, тебе стало интересно.

— Не обольщайся, Скаво.

Я взяла второй конец пледа и плотнее закуталась.

— Мне просто нужно знать, не встретимся ли мы там в будущем.

— Конечно, — улыбаясь ответил он, — именно поэтому ты спросила.

Я открыла рот, но не стала ничего говорить. Потому что снова была вынуждена признать — он был прав. Придурок.

Глава 12

*Самое трудное — не бороться. Самое трудное
— ждать, пока за тебя борются другие.*

Обычно я просыпалась так, словно всю ночь кто-то методично таскал моё сердце по лестнице вверх и вниз, а под утро, устав, небрежно бросал его обратно в грудную клетку. Именно поэтому каждое новое утро начиналось одинаково: с осторожного вдоха, проверки собственного тела и короткого вопроса самой себе: «Сегодня оно хотя бы не собирается устраивать истерику?»

Но сегодня всё было иначе. Я открыла глаза ещё до будильника и несколько секунд просто лежала, не двигаясь, прислушиваясь к себе с тем недоверием, с которым обычно слушают слишком хорошие новости. Сердце, конечно, никуда не делось, оно всё так же билось неровно, словно постоянно сбивалось с собственного ритма, лёгкая тяжесть в груди тоже осталась, однако впервые за долгое время мне не хотелось сразу закрыть глаза обратно и сделать вид, что утро никогда не наступало. Кажется... Я действительно выпалась. Эта мысль показалась настолько странной, что я даже тихо усмехнулась.

— Вот это новости, — пробормотала я, проводя ладонью по лицу. — Неужели свежий воздух всё-таки полезнее поло-

вины таблеток?

Перед глазами тут же всплыла вчерашняя крыша, холодный осенний ветер, чай из термоса, бесконечные звёзды и парень, который почему-то умудрялся раздражать меня меньше обычного.

Я резко мотнула головой. Нет. Это точно не из-за него. Я потянулась к телефону, лежавшему на тумбочке, и лениво провела пальцем по экрану. Одно новое сообщение. Я удивлённо нахмурилась. Обычно мне писали только Мия, если ей срочно требовался сообщник для очередной безумной идеи, или отец, когда забывал, что я ещё сплю.

Ещё несколько секунд я смотрела на экран, а потом всё-таки закатила глаза.

#

Доброе утро, Эльза

#

От куда у тебя мой номер?

#

#

Джон поделился

#

— Невыносимый...

Переодевшись, я решила сделать сегодня пучок, так как

волосы заметно отросли и мешались. Не люблю, когда что-то мешает. Раздражает. Надо будет подстричь.

Вообще я просила Мию в последние месяцы об этом, поскольку ей нравилось играть в парикмахерскую, но сейчас ей будет не до меня, ведь скоро ей назначат дату операции. От причёски меня отвлекло новое сообщение.

*Ты уже подписала меня, как
самого симпатичного парня
на свете?*

⌞

— Господи... кто-нибудь выключите ему чувство юмора,
— пробормотала я, невольно улыбнувшись.

Самое ужасное заключалось в том, что я совершенно отчётливо слышала эту фразу его голосом. Он наверняка именно так её и произнёс бы — с этой невозможной улыбкой, будто заранее знает, что последует очередная колкость.

Я быстро набрала ответ — «Нет. Пока что ты записан как „Питер. Не отвечать“.»

Я уже собиралась убрать телефон, когда взгляд случайно зацепился за дату. Суббота. Седьмое сентября. День рождения.

Странно, но за последние годы этот день почти перестал отличаться от остальных. Когда слишком долго живёшь между палатами, анализами и ожиданием нового сердца, ка-

лендарь постепенно теряет своё значение. Дни рождения больше не пахнут тортом, подарками и воздушными шарами. Они пахнут антисептиком, пластиковыми стаканчиками для таблеток и кофе из автомата. Зато сегодня день рождения был не только у меня.

Я открыла переписку с Майком и несколько минут листала сохранённые картинки, пока наконец не остановилась на той, которая идеально подходила ему. Суровый чёрный кот в праздничном колпаке сидел за столом с таким видом, будто ненавидел весь мир, а сверху крупными буквами было написано: «Поздравляю. Стареть будем вместе.»

Это было настолько в нашем стиле, что искать что-то другое не имело смысла. К картинке я добавила короткое сообщение.

«С днём рождения, книжный червь. Желаю, чтобы сегодня тебе подарили хотя бы одну книгу, а не носки.»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Спасибо) Носки уже подарили.»

Я тихо рассмеялась.

— Конечно подарили, — пробормотала я. — Это же Майк.

Не успела я убрать телефон, как экран неожиданно засветился снова. Звонил папа по видеосвязи. Я испуганно посмотрела на своё отражение в чёрном экране. Волосы торчали во все стороны, светлая прядь окончательно потерялась среди черных, под глазами залегли мешки, а лицо выгляде-

ло так, словно я только что воскресла после долгой зимней спячки.

— Замечательно, — вздохнула я, быстро приглаживая волосы ладонью. — Именно такой меня и должен видеть родной отец.

Я нажала зелёную кнопку.

— С днём рождения, Эм, — улыбнулся папа, немного неловко поправляя телефон. Судя по знакомому фону, он стоял на кухне. — Ну вот... стала ещё взрослее.

— Не напоминай, — улыбнулась я, устраиваясь удобнее на кровати, — Мне и так тяжело это принять.

Он тихо рассмеялся.

— Как ты себя чувствуешь?

Я ненадолго задумалась. Обычно на этот вопрос хотелось соврать, чтобы не расстраивать его, но сегодня ложь была не нужна.

— Хорошо.

Он внимательно посмотрел на меня, словно проверяя, не пытаюсь ли я его успокоить.

— Правда?

— Правда, — кивнула я. — Даже выпалась.

— Вот это уже лучший подарок.

Я улыбнулась.

— А вы как?

Папа немного повернул телефон. На столе стоял небольшой торт, а под ним наша овчарка с грязной мордой.

— Зевс уже опробовал твой торт.

Я тихо рассмеялась, по привычке придерживая грудную клетку.

— Вы сами его съедите?

— Конечно.

— Какая несправедливость.

— Мы можем оставить тебе кусочек.

— Только не забудьте его заморозить. Через пару месяцев, может быть, доеду. И только не откусанный.

Он покачал головой, но улыбка с его лица не исчезла.

— В следующий день рождения обязательно вместе.

Я посмотрела ему прямо в глаза и неожиданно спокойно ответила:

— Договорились.

На несколько секунд между нами повисла тишина.

— Знаешь... — тихо сказал папа, — я очень тобой горжусь.

Я почувствовала, как в груди что-то неприятно сжалось. Не сердце. Что-то другое.

— Спасибо, пап, — улыбнулась я, стараясь, чтобы голос звучал так же легко, как обычно.

— Ладно, не буду мешать праздновать. Мне почему-то кажется, что твоя компания уже наверняка готовит что-нибудь безумное.

Я обречённо закатила глаза.

— Вот этого я боюсь больше всего.

Он громко рассмеялся.

— Тогда удачи, малышка.

— Люблю вас.

Экран погас. Я ещё несколько секунд сидела неподвижно, глядя на собственное отражение, а потом телефон снова коротко завибрировал.

#####

Я толкнула дверь комнаты отдыха плечом, всё ещё держа в руках кружку с недопитым кофе, и уже собиралась привычно буркнуть что-нибудь про то, что Мия заставила меня своим сообщением знатно поторопиться, но не успела сделать и шага.

— С днём рождения!

Голоса ударили по комнате одновременно, так громко, что я едва не выронила кружку. Я застыла прямо в дверях. Передо мной стояли все. Мия, Джон, Питер, Лора, доктор Брукс, несколько медсестёр из нашего отделения и даже мистер Томпсон, который каким-то образом выбрался сюда вместе со своей ходунковой рамой и теперь сиял так, будто праздновал собственный юбилей.

Комната была украшена настолько нелепо, что это выглядело идеально. Над потолком висели гирлянды, сделанные из цветной бумаги. Выдвинули круглый стол на середину комнаты и постелили тёмно-синюю одноразовую скатерть. Вместо ленточек кто-то развесил чистые бинты, аккуратно закрученные спиралью. Огромная вывеска с поздравления-

ми висела прямо посередине центральной стены и на фоне играла лёгкая музыка. И всё оказалось в моём стиле.

— Только не спрашивай, откуда мы всё это взяли, — виновато улыбнулась Лора, складывая руки на груди. — Мне официально ничего неизвестно.

— Разумеется, — серьёзно кивнул доктор Брукс. — А если администрация спросит, то я вообще впервые оказался в этой комнате.

Я не смогла удержаться от улыбки.

— Вы все ненормальные.

— Спасибо, — одновременно ответили сразу несколько человек.

Мия подбежала первой. Она держала в ладонях маленькую бархатную коробочку, прижимая её к груди так бережно, будто боялась, что та может сбежать в неподходящий момент.

— Это тебе, — тихо сказала она, осторожно вкладывая подарок мне в руки. — Только не говори, что не нравится, потому что я выбирала почти два часа.

Я открыла коробочку. Внутри лежала тонкая черная кожаная цепочка с маленькой луной. Совсем небольшой. Аккуратной. Такой, которую можно носить каждый день. Я провела пальцем по прохладному металлу.

— Луна... — тихо сказала я.

— Ну да, — Мия пожала плечами, смущённо улыбнувшись. — Потому что ночью ты всегда смотришь в окно. И

потому что луна появляется даже тогда, когда её почти не видно. Просто иногда она прячется.

Я молча обняла её. Она тут же засмеялась.

— Эй, осторожнее. У меня сейчас рёбра хрустнут.

— Не драматизируй и отдай кружку, пока никого не обожгла.

Все рассмеялись.

— Теперь моя очередь, — объявил Джон, театрально разворачиваясь ко мне лицом.

По комнате сразу поплыл запах расплавленного сыра.

— Только не говори... — начала я.

— Именно.

Он торжественно поставил передо мной круглую пиццу. Конечно же, идеально круглой она не получилась. Где-то тесто было толще, где-то сыр убежал за край, а один кусок вообще выглядел так, будто решил жить отдельно.

— Повар из меня пока так себе, — признался Джон, разводя руками. — Но я клянусь, что ничего не подгорело.

— Потому что сгорела только противень, — невозмутимо уточнила Лора.

— Предательница.

Я засмеялась уже по-настоящему, положила руку на сердце, толи чтобы придержать грудную клетку, толи от увиденного шока. Потом ко мне подошёл Питер. Никаких громких поздравлений. Никаких дурацких поклонов. Он просто протянул небольшую крафтовую коробочку, перевязанную обыч-

ной белой ниткой, дождался, пока я возьму её, и, чуть наклонившись ко мне, почти коснувшись щекой моих волос, тихо прошептал:

— Потом откроешь.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что так интереснее.

— А если там кирпич?

— Тогда это очень маленький кирпич.

— Почему? Или там таракан?

Он улыбнулся уголком губ.

— Потому-что потому, Эльза.

И почему-то именно сейчас это прозвище прозвучало совсем не так, как раньше. Лора подошла следом и протянула мне красиво перевязанную упаковку кофе.

— Вот. Чтобы ты перестала смотреть на людей так, будто мечтаешь их придушить.

Доктор Брукс тут же поднял палец.

— Только не вздумайте выпить всё сразу.

— Она не успеет, — усмехнулась Лора.

Доктор Брукс покачал головой, тепло улыбнулся и похлопал меня по плечу.

— Хорошего дня, Эмма.

— Спасибо.

Они с Лорой переглянулись, будто заранее о чём-то договорились, и направились к выходу. У самой двери Лора

обернулась.

— Постарайтесь не разнести отделение хотя бы до обеда.

— Ничего не обещаем! — крикнула ей вслед Мия.

Дверь закрылась. Несколько секунд в комнате стояла подозрительная тишина. Я нахмурилась.

— Что?

Все переглянулись. Питер вдруг медленно улыбнулся. Очень подозрительно.

— Ну... теперь можно.

— Что можно?

В следующую секунду Джон выключил свет. Комната погрузилась в полумрак. Я уже собиралась сказать что-нибудь язвительное, когда потолок вдруг... загорелся. Не электричеством. Звёздами. Сотни маленьких светящихся бумажных звёздочек, покрытых люминесцентной краской, были приклеены к потолку. Они медленно разгорались в темноте, складываясь в настоящее ночное небо. Между ними тонкими нитями были натянуты созвездия, а прямо над тем местом, где стояла я, светилась большая круглая луна, собранная из десятков крошечных звёзд.

Я подняла голову и замерла.

— Мы несколько вечеров это клеили, — тихо сказал Питер, сунув руки в карманы и вдруг перестав улыбаться своей привычной хулиганской улыбкой.

— Ты всё время смотришь на настоящее небо... а мы решили, что иногда оно должно ждать тебя и здесь. Чтобы да-

же в самый тяжёлый день тебе не приходилось подниматься на крышу.

Я почувствовала, как у меня предательски защемило в глазах. Они позаботились обо мне. Наверняка это придумал Джон, когда видел с какой отдышкой я туда поднималась.

— Только не реви, — сразу же сказал Джон, складывая руки на груди. — Мы ещё не ели пиццу.

— Я не реву.

— Тогда почему у тебя глаза блестят?

Я быстро провела ладонью под ресницами и глубоко вдохнула.

— Потому что вы... ужасные люди.

— Наконец-то, — довольно кивнул Питер и положил свою руку на моё плечо. — Это уже гораздо больше похоже на благодарность от Эльзы.

И впервые за долгое время я посмотрела на этих сумасшедших людей не как на соседей по больнице. А как на место, которое неожиданно стало домом.

Глава 13

*Мы ведь дети. Так почему бы нам не баловаться
во время игр?*

К вечеру больница постепенно возвращалась к своему привычному ритму, словно ничего необычного сегодня и не происходило, хотя всего несколько часов назад здесь звучал смех, пахло домашней пиццей, а бумажные звёзды, которые ребятами приклеивал почти до самой ночи, заставили даже самых серьёзных врачей улыбнуться. Медсёстры уже убрали со стен цветные гирлянды, собрали одноразовые тарелки и стаканчики, а в длинных коридорах снова воцарились знакомые звуки — размеренное пицание мониторов, негромкие разговоры дежурной смены, скрип тележки с вечерними лекарствами и запах антисептика, который за восемь месяцев успел стать привычнее любого парфюма.

Мы расходились медленно, будто никто не хотел первым признать, что праздник закончился. Джон, громко жалуясь на несправедливость жизни, тащил в руках сразу несколько пакетов с мусором и через каждые пять метров останавливался, чтобы драматично сообщить всем вокруг, что человеку с больной печенью противопоказан тяжёлый физический труд, однако при этом упорно не отдавал свою ношу никому, потому что, как выяснилось, страдать ему нравилось зна-

чительно больше, чем принимать помощь. Мия, придерживая подаренную ей кружку с недопитым чаем, смеялась над каждым его словом так искренне, словно слышала эти шуточки впервые.

Я проводила их взглядом до самого поворота, после чего вдруг поняла, что Питера рядом нет. Странно.

Весь день он находился в самом центре происходящего, успевая одновременно спорить с Джоном, подкалывать меня, помогать всем разливать чай, шутить медсёстрами и каким-то образом всё равно оказываться именно там, где в следующую секунду происходило что-нибудь смешное, а теперь исчез так незаметно, будто его и не было. Единственным напоминанием о нём оставалась небольшая крафтовая коробочка, которую я до сих пор держала в руках.

Я ведь обещала открыть её потом.

До своей палаты я добралась только тогда, когда за окнами окончательно стемнело, а больничный двор утонул в мягком свете фонарей, отражавшихся в мокром после вечерней сырости асфальте. Осень уже уверенно вступала в свои права, и листья, которые ещё днём золотились на деревьях, теперь казались почти чёрными на фоне ночного неба, где одна за другой начинали появляться первые звёзды.

Я тихо закрыла за собой дверь, привычным движением прислонилась к ней спиной и на несколько секунд закрыла глаза, позволяя сердцу успокоиться после долгого дня. Оно неприятно ныло где-то глубоко под рёбрами, словно

недовольно напоминая, что даже счастье иногда оказывается слишком тяжёлой нагрузкой, а потому я медленно подошла к кровати, осторожно опустилась на матрас и только тогда позволила себе наконец выдохнуть.

На прикроватной тумбочке лежали сегодняшние подарки. Первой я взяла маленькую коробочку, которую утром подарила Мия, снова открыла её и невольно улыбнулась, когда серебристая луна блеснула в тёплом свете настольной лампы. Осторожно проведя пальцем по гладкому металлу, я на мгновение представила, как долго она выбирала именно этот кулон, наверняка перебирая десятки вариантов, пока не решила, что именно луна подойдёт мне больше всего.

— Сумасшедшая... — тихо пробормотала я, застёгивая цепочку у себя на шее.

Луна лёгкой прохладой коснулась кожи, а я машинально поправила её и только после этого перевела взгляд на вторую коробку — ту самую, которую весь день старательно не открывала.

Она была совсем простой. Без бантиков, открыток и яркой упаковки, словно её собирал человек, которому всё это казалось совершенно ненужным. Очень похоже на Питера.

Я медленно развязала узелок, сняла крышку и удивлённо замерла. Внутри лежали маленькие белые беспроводные наушники. Несколько секунд я просто смотрела на них, пытаюсь понять, почему именно они, пока вдруг не вспомнила наш разговор прошлой ночью на крыше, когда он между тре-

ками, что мы слушали, спросил, слушаю ли я вообще музыку, а я, пожав плечами, ответила, что мои старые проводные наушники постоянно путались, и покупать новые не было ни желания, ни особого смысла.

Он запомнил. Не просто услышал. Запомнил. И когда он только успел их купить. От этой мысли где-то внутри стало неожиданно тепло. Я осторожно достала коробочку с наушниками, а затем заметила, что под ней лежит что-то ещё.

Тонкая серебристая цепочка медленно выскользнула наружу, а следом на мою ладонь опустился небольшой металлический компас, который я узнала почти сразу.

Он принадлежал Питеру. Не похожий. Именно этот. Я не раз замечала его у него на шее, когда он случайно вытаскивал цепочку из-под футболки, поправляя кислородную канюлю или наклоняясь за упавшим плеером, и почему-то всегда думала, что эта вещь слишком личная, чтобы с ней расставаться.

— Что это значит?... — тихо спросила я саму себя, хотя ответить было некому.

Под цепочкой лежал аккуратно сложенный лист бумаги. Я медленно развернула его. Почерк Питера оказался удивительно красивым — ровным, уверенным и спокойным, совсем не похожим на самого хозяина.

Эльза.

Иногда люди ищут правильную дорогу, хотя на самом

деле всю жизнь пытаются найти самих себя.

Надеюсь, однажды ты найдёшь свои координаты.

P. S. Только не потеряй компас. Я слишком красивый, чтобы дарить подарки дважды.

Я заулыбалась, невольно покачав головой.

— Даже записку не смог написать без своих идиотских шуток.

Несмотря на это, я ещё долго сидела неподвижно, держа компас в ладони и ощущая, как металл успел сохранить едва уловимое человеческое тепло, словно совсем недавно его действительно носили на груди. Не отдавая себе отчёта, зачем именно это делаю, я осторожно застегнула цепочку рядом с серебристой луной, подаренной Мией, подошла к окну и посмотрела на своё отражение.

Тонкая девочка с прозрачной кожей, слишком худыми руками и усталыми глазами смотрела на меня с другой стороны стекла, а на её шее теперь висели сразу два кулона — луна и компас, совершенно разные по смыслу, но почему-то удивительно гармонично смотревшиеся рядом. Тогда я ещё не знала, что точно такие же координаты уже много лет скрываются на потёртом кожаном браслете Питера, и даже представить не могла, что однажды именно они объяснят мне, почему человек, который появился в моей жизни всего несколько недель назад, уже успел стать тем, о ком я думала значительно чаще, чем собиралась.

Глава 14

*Любить человека, который может умереть,
— значит каждый день учиться не бояться
завтрашнего утра.*

Я поняла, что Мия собирается сказать что-то важное не потому, что она выглядела испуганной. Наоборот. Она выглядела слишком спокойной. И именно это заставило меня насторожиться. За время, проведённое в больнице, мы все научились замечать такие вещи. Не громкие слова и не очевидные эмоции, а маленькие изменения, которые обычный человек даже не заметил бы. Слишком аккуратно сложенное одеяло, слишком долгое молчание перед ответом, слишком старательная улыбка, которой человек пытается убедить не только окружающих, но и самого себя.

Мия всегда была шумной. Она могла разговаривать одновременно с тремя людьми, могла спорить с Джоном из-за какой-нибудь ерунды, могла заставить Майка отложить книгу только потому, что ей хотелось рассказать ему о новом романтическом фильме, который она посмотрела ночью. Она была человеком, который даже в больничных стенах умудрялся создавать ощущение, будто мы просто группа друзей, случайно оказавшихся здесь, а не подростки, которые слишком рано узнали, что такое плохие новости. Поэтому её ти-

шина пугала.

Она сидела на подоконнике в комнате отдыха, поджав под себя ноги, и раскладывала свои пластыри в маленькой коробке с принцессами, которую я уже видела сотни раз. Она перекладывала их с места на место, разглаживала пальцами упаковки, поправляла те, которые лежали неровно, словно идеальный порядок в этой коробке мог хоть немного контролировать то, что происходило с её жизнью. Я стояла возле двери, джинсовку, и несколько секунд просто наблюдала за ней.

— Если ты опять собираешься предложить мне покрасить волосы, сразу предупреждаю, — сказала я, бросая куртку на спинку кресла и проходя в комнату, — я ещё не забыла тот случай с фиолетовой прядью, когда ты уверяла меня, что это «неудачный эксперимент, который всё равно выглядит красиво».

Мия подняла голову и улыбнулась. Но улыбка была слабее обычной.

— Она действительно выглядела красиво, — тихо сказала она, закрывая коробку и прижимая её к себе.

Я прищурилась.

— Вот.

Я медленно подошла ближе и села напротив неё.

— Именно так и начинаются подозрительные разговоры. Сначала ты делаешь мне комплимент, потом говоришь что-то, после чего я неделю злюсь на весь мир.

Джон, который сидел на диване, читая новые рецепты выпечек и лениво крутил в руках кубик из настольной игры, даже не поднял головы.

— Подтверждаю. В прошлый раз после твоего «Эмма, тебе нужно попробовать что-то новое» она три дня ходила и называла всех людей с зелёными волосами преступниками.

Я повернула голову в его сторону.

— Потому что это было преступление.

— Это был мой цвет волос.

Мия тихо рассмеялась, но уже через секунду снова стала серьёзной. И вот тогда я поняла. Она не просто ждала удобного момента. Она собиралась сказать нам что-то, что сама уже несколько дней носила внутри. Майк тоже это заметил. Он сидел у окна с книгой в руках, но закладка всё ещё оставалась на одной странице, а взгляд давно был не на строчках.

— Что случилось? — спросил он спокойно, закрывая книгу и кладя её рядом с собой.

Мия посмотрела на него, потом на нас. На секунду она выглядела совсем маленькой. Не той Мией, которая могла спорить с врачом о том, что больничный суп нельзя считать едой.

— Мне назначили операцию, — сказала она, перебирая пальцами край рукава.

Я почувствовала, как внутри всё напряглось. Мы знали. Конечно, знали. Мы знали о саркоме. Знали, что лечение не даёт нужного результата. Знали, что врачи обсуждали раз-

ные варианты. И знали самое страшное — если опухоль не удастся остановить, им придётся удалить часть ноги. Но одно дело знать это где-то глубоко внутри. И совсем другое — услышать дату.

— Когда? — тихо спросил Джон, перестав крутить кубик в руках.

Мия посмотрела вниз.

— Сегодня вечером.

Несколько секунд никто не говорил. Я смотрела на неё и пыталась представить, что она чувствует. Сегодня утром она проснулась человеком с двумя ногами. А завтра проснётся уже другой. И как бы сильно я ни хотела сделать вид, что всё можно исправить шуткой, некоторые вещи невозможно спрятать даже за самым хорошим сарказмом.

— Ну...

Я первой нарушила тишину, потому что если этого не сделаю я, то кто-нибудь начнёт говорить что-то слишком правильное и слишком грустное. А я ненавидела такие моменты.

— Тогда после операции у тебя официально появится преимущество перед всеми нами.

Мия подняла взгляд.

— Преимущество?

Я пожала плечами, откидываясь на спинку кресла.

— Конечно. Ты сможешь быстрее передвигаться на коляске и официально обгонять Джона в коридорах.

Джон сразу посмотрел на меня с возмущением, положив

ладонь на живот.

— Почему именно я всегда становлюсь частью твоих попыток поддержки?

— Потому что ты удобная мишень.

— Это ужасно.

— Зато честно.

Мия улыбнулась настоящей улыбкой, пуская и маленькой, короткой, но она появилась. И я зацепилась за неё. Потому что именно ради этого я и говорила. Чтобы хотя бы на несколько секунд она перестала думать о сегодняшнем вечере.

Только вот моё собственное тело решило, что ему тоже есть что сказать. Сначала я почувствовала знакомый сильный удар в груди. Потом второй. Слишком быстрый и громкий. Я ненавидела это ощущение. Когда сердце напоминало о себе именно тогда, когда я меньше всего хотела показывать слабость.

Я опустила взгляд и обернувшись незаметно прижав ладонь к груди. Может быть, если сделать вид, что ничего не происходит, оно тоже решит успокоиться. Конечно, нет. Потому что моё сердце было таким же упрямым, как и я.

— Эмма.

Голос Майка прозвучал спокойно. Я сразу обернулась глазами.

— Даже не начинай.

Он медленно поднялся с кресла, оставив книгу на столе

раскрытой.

— Я только хотел дать тебе воду, — он протянул стакан, и я раздражённо посмотрела на него.

— Ты специально делаешь вид, что не переживаешь?

— Нет.

Он слегка пожал плечами.

— Я просто знаю, что, если начну переживать, ты разозлишься.

Он был прав. Что было ещё хуже. Я взяла стакан и сделала несколько глотков. Питер всё это время стоял возле дивана, молча наблюдая за нами, и только когда убедился, что я снова нормально дышу, подошёл ближе.

— Я могу сказать что-нибудь умное, — произнёс он, остановившись рядом со столом.

Я посмотрела на него поверх стакана.

— Не надо.

— Хорошо.

— Всё? — я удивилась больше обычного.

— Да, — он пожал плечами. — Иногда лучший способ помочь — не раздражать тебя.

— Ты быстро учишься.

— Приходится, — он подарил мне ту самую тёплую улыбку, от которой моё сердце заметно успокаивалось.

Мия наблюдала за нами, а потом осторожно протянула руку и коснулась моей ладони.

— Эмма.

Я посмотрела на неё.

— Что?

— Спасибо, — она немного сжала мои пальцы.

Я лишь кинула на неё вопросительный взгляд, она обняла меня.

— За то, что ты пытаешься сделать вид, будто это просто ещё один день.

Я отвела взгляд. Потому что она опять попала точно туда, куда не надо.

— После операции, — пробормотала я, поправляя край её рукава, — ты всё ещё обязана дать мне посмотреть свои новые носки с котами.

Мия тихо рассмеялась.

— Ты невозможная.

Посмотрев на них всех, я и вдруг поняла, что именно это было самым страшным в больнице. Не диагнозы. Не операции. Не слова врачей. А то, что каждый день ты мог узнать, что жизнь человека рядом с тобой завтра станет другой. Но пока Мия сидела рядом. Пока Джон спорил. Пока Майк молча следил, чтобы я выпила воду. Пока Питер пытался шутить даже тогда, когда это было неуместно.

Двери операционного блока всегда выглядели одинаково. Белые. Холодные. Совершенно безразличные к тому, кто сейчас через них пройдёт. Сегодня они почему-то казались ещё тяжелее.

Я сидела на пластиковом стуле возле стены, положив ладонь поверх тонкой футболки туда, где под тканью прятался небольшой датчик кардиомонитора. Каждое движение сопровождалось лёгким натяжением проводов, уходивших под одежду, и это ужасно раздражало. После утреннего приступа доктор Брукс даже слушать не стал мои привычные возражения, молча подозвал Лору, а через несколько минут я уже ходила по отделению, ощущая себя новогодней гирляндой.

— Только попробуй его снять, — предупредила тогда Лора, приклеивая последний электрод и внимательно посмотрев на меня так, словно заранее знала, о чём я сейчас думаю.

— Даже мысли такой не было, — невинно ответила я, разведя руками.

— Эмма.

— Что?

— Ты сейчас врёшь настолько плохо, что мне даже обидно.

Я тогда только закатила глаза. Теперь же была готова признать, что, наверное, доктор всё-таки оказался прав. Сердце с самого утра вело себя слишком беспокойно. Наверное, оно тоже понимало, какой сегодня день. Напротив меня стояла мама Мии.

Она крепко прижимала телефон к уху, но уже почти не слушала человека по ту сторону, потому что её собственные слёзы звучали гораздо громче любых слов. Она снова и снова вытирала лицо смятыми бумажными салфетками, тут же

доставала следующую, нервно комкала её в ладонях и, делая глубокий вдох, пыталась взять себя в руки, хотя было совершенно очевидно, что сил на это у неё уже давно не осталось.

— Нет... — её голос сорвался почти сразу, стоило собеседнику начать говорить. Она отвернулась к окну, словно надеялась, что так никто не увидит её слёз, и свободной рукой бессильно провела по волосам. — Не надо сейчас говорить мне, что всё будет хорошо... пожалуйста, не надо... Ты даже приехать не смог.

Она замолчала, слушая ответ, после чего резко покачала головой.

— Какая теперь разница, почему? — почти шёпотом произнесла она, крепче сжимая телефон. — Какая разница, Виктор, кто виноват? Через несколько минут нашей дочери отрежут ногу, а ты рассказываешь мне про совещания.

Последние слова прозвучали настолько тихо, что почти растворились в воздухе. Она сбросила вызов, прижала телефон к груди и, закрыв лицо ладонями, медленно опустилась на ближайший стул.

Я отвела взгляд. Смотреть на это было почти невозможно. Джон сидел рядом со мной, широко расставив ноги и сцепив пальцы в замок так крепко, что костяшки побелели. Обычно он не мог прожить и минуты без очередной болтовни о еде, но сегодня словно забыл все слова, только нервно покачивал ногой и время от времени поглядывал в сторону двери палаты, будто надеялся, что врачи вдруг выйдут и скажут,

что операция отменяется. Питер стоял немного поодаль возле окна. Одной рукой он держал телефон, другой машинально крутил кожаный браслет на запястье.

— Да, Майк, — негромко говорил он, глядя во двор больницы. — Пока ещё нет. Сейчас должны вывезти. Не переживай, я всё расскажу. Конечно.

Я знала, что Майк не смог приехать. Ещё в обед он вместе с отцом уехал на обследование в другой город, и впервые за долгое время одного человека из нашей компании в трудный день не оказалось рядом. Наверное, именно поэтому коридор казался каким-то непривычно пустым.

Дверь палаты медленно открылась. Разговоры сразу стихли. Даже мама Мии поднялась со стула раньше, чем успела убрать телефон в карман. Каталку медленно вывезли в коридор. Мия лежала удивительно спокойно. Настолько спокойно, что от этого становилось страшнее. Её голова, лишённая волос, казалась ещё меньше обычного, тонкие пальцы крепко сжимали плюшевую акулу, подаренную когда-то Майком, а сама она внимательно рассматривала каждого из нас, словно пыталась запомнить наши лица.

— Господи... — тихо выдохнула она, закатив глаза. — Ну что вы смотрите так, будто меня сейчас казнить повезут?

Никто не ответил. Она недовольно нахмурилась.

— Эй, вообще-то я вернусь.

Джон шумно выдохнул, провёл ладонью по лицу и натянуто улыбнулся.

— Конечно вернёшься, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал как обычно, и осторожно ткнул её пальцем в плечо. — Ты мне ещё деньги должна.

— Какие ещё деньги? — возмутилась Мия, театрально округлив глаза.

— За последние три шоколадки.

— Наглая ложь.

Её губы дрогнули в улыбке, а глаза заблестели от скорых слёз.

Этого оказалось достаточно, чтобы у мамы снова задрожали руки.

— Эмма, — позвала она уже значительно тише, внимательно всматриваясь в моё лицо. — Если после операции я стану нытиком...

— Не станешь, — перебила я её, изо всех сил стараясь удержать улыбку. — Потому что тогда я лично придушу тебя подушкой.

— Вот теперь узнаю свою Эмму.

Каталка прямо как ужасных мелодрамах, медленно двинулась вперёд.

Мы молча пошли следом. Колёса негромко постукивали по стыкам плитки, и почему-то именно этот звук вдруг начал раздражать меня сильнее всего. Каждый новый удар отдавался где-то глубоко внутри грудной клетки, смешиваясь с собственным сердцебиением, которое неожиданно стало слишком громким. Я сделала вдох. Воздуха оказалось мало.

Ещё один. Ничего не изменилось. Под футболкой противно завибрировал датчик. Я остановилась. Перед глазами будто кто-то медленно опустил полупрозрачную серую занавеску.

— Нет... — едва слышно прошептала я самой себе, осторожно касаясь ладонью стены. — Только не сейчас. Не смей, я тебе сказала.

Мне казалось, что, если я просто постою несколько секунд, всё обязательно пройдёт. Не прошло. Пол неожиданно стаж жидким под ногами. Воздух стал густым, словно его вдруг заменили водой. Я попыталась сделать ещё один шаг вперёд, но ноги предательски подкосились.

— Эмма, — голос Джона прозвучал совсем рядом.

Я даже не поняла, в какой момент начала падать. Только почувствовала, как сильные руки успели подхватить меня прежде, чем я ударилась о плитку, а Джон, удерживая меня за плечи, быстро взял меня на руки.

— Эй... — испуганно произнёс он, осторожно придерживая мою голову. — Эмма, смотри на меня... слышишь?

Я пыталась. Но его лицо уже расплывалось. Где-то справа резко оборвался разговор. Я увидела, как Питер буквально сорвался с места вместе со своим кислородным рюкзаком. Телефон всё ещё был прижат к его уху.

— Майк, — быстро сказал он, почти переходя на бег. — Я перезвоню.

Он не дождался ответа и просто сбросил вызов. Кардиомонитор под одеждой вдруг пронзительно запищал, и этот

звук мгновенно разрезал весь коридор. Кто-то закричал. Кто-то уже бежал в нашу сторону. И сквозь постепенно исчезающие голоса я отчётливо услышала один-единственный.

— Эмма! Ты где?! — голос Лоры разнёсся по всему коридору, полный такого страха, какого я никогда раньше в нём не слышала.

Я хотела ответить. Очень хотела. Но вместо слов из груди вырвался только судорожный, болезненный вдох, а потом мир медленно растворился в белом свете больничных ламп. Боже, какая я тряпка.

Глава 15

Мы мечтали не о богатстве. Не о славе. Мы мечтали встретить следующий Новый год вместе.

Сознание возвращалось медленно, будто кто-то очень осторожно вытаскивал меня из густой воды, не позволяя всплыть слишком резко. Сначала появился ровный, размеренный писк монитора, затем холод пластырей на груди, неприятно стягивающих кожу, потом ощущение чего-то тяжёлого на левой руке, и только спустя несколько секунд я поняла, что это манжета тонометра, которую, видимо, забыли снять после очередного измерения давления. Казалось, пока я спала, кто-то успел превратить меня в новогоднюю ёлку, увешанную проводами, датчиками и медицинскими приборами, которым, судя по всему, доверяли больше, чем мне самой.

Голова гудела так, словно внутри неё работал старый двигатель, а тело казалось чужим, невероятно тяжёлым и совершенно не желающим двигаться. Я осторожно попыталась вдохнуть глубже, но грудную клетку тут же неприятно сдавило изнутри, заставив меня поморщиться и отказаться от этой затеи. Нет, сердце не болело. Оно просто... устало. Так, бывало, после каждого серьёзного приступа, когда оно, словно капризный ребёнок, напоминало окружающим, что именно

оно устанавливает здесь правила.

Я медленно приоткрыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок своей палаты, узнавая каждую трещину, каждую неровность белой краски и каждый маленький скол возле лампы. Только потом взгляд начал опускаться ниже, цепляясь за знакомые предметы. Штатив с почти пустой капельницей. Переносной монитор возле кровати, по экрану которого лениво бежали зелёные линии. Провода, тянущиеся к датчикам на моей груди. Ещё один маленький датчик был закреплён чуть ниже ключицы, и я сразу вспомнила слова доктора Брукса о том, что после сегодняшнего приступа меня несколько дней будут наблюдать особенно внимательно.

— Кажется... она проснулась, — негромко произнёс знакомый голос.

Я повернула голову. Первым я увидела Питера. Он сидел на неудобном пластиковом стуле почти вплотную к моей кровати, широко расставив ноги и уперев локти в колени, а пальцы сцепив в замок так крепко, что костяшки побелели. Обычно он не мог спокойно усидеть и пяти минут, обязательно что-нибудь вертел в руках, качал ногой или выводил кого-нибудь из себя очередной колкостью, но сейчас сидел совершенно неподвижно.

У окна стоял Джон, засунув руки в карманы спортивной кофты. Услышав голос Питера, он резко поднял голову от телефона, в котором до этого, кажется, безуспешно пытал-

ся делать вид, что читает новости, и облегчённо выдохнул, словно всё это время сам не замечал, как задерживал дыхание.

И только потом мой взгляд остановился на Майке. Он вообще не должен был быть здесь. Стоя возле двери и скрестив руки на груди, он смотрел на меня настолько внимательно, что мне сразу стало неловко.

— Ну наконец-то, — тихо сказал он, медленно подходя ближе к кровати, и, остановившись рядом, внимательно всмотрелся в моё лицо, словно хотел убедиться, что я действительно пришла в себя, а не просто случайно открыла глаза. После этого он коротко кивнул самому себе и, развернувшись к двери, спокойно добавил: — Я позову доктора Брукса. Скажу, что ты проснулась.

Он уже взялся за дверную ручку, когда я, сама удивившись тому, насколько тихо прозвучал мой голос, позвала его: — Майк.

Он сразу остановился, но обернулся не резко, а очень спокойно, будто боялся, что любое лишнее движение снова меня испугает.

— Что? — спросил он, не убирая руку с дверной ручки.

— Ты же уехал.

Несколько секунд Майк молчал, потом едва заметно пожал плечами и, опустив взгляд в пол, ответил так буднично, словно речь шла о походе в магазин, а не о нескольких десятках километров дороги:

— Уже приехал.

Я непонимающе посмотрела сначала на него, потом на Питера. Тот тяжело выдохнул, потёр ладонью затылок и, наконец позволив себе привычную полуулыбку, покачал головой.

— Вообще-то он примчался сюда быстрее, чем успели закончить твоё обследование, — сказал он, стараясь говорить легко, но голос всё равно выдавал усталость. — Я даже подумал, что он где-то по дороге нарушил половину правил дорожного движения.

— Не половину, — спокойно возразил Майк, открывая дверь, но перед тем, как выйти, всё же посмотрел на Питера. — Максимум треть.

— Вот видишь, — Питер развёл руками и впервые за всё это время улыбнулся уже чуть свободнее. — Даже не отрицает.

— Потом поговорим, — тихо ответил Майк, после чего вышел в коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В палате сразу стало непривычно тихо. Я перевела взгляд на Джона и только сейчас заметила, насколько уставшим он выглядел. Под глазами залегли тёмные круги, волосы растрепались так, будто он уже несколько часов без конца запускал в них пальцы, а на рукаве кофты остались едва заметные пятна от кофе. Он поймал мой взгляд, неловко улыбнулся и, подойдя ближе, осторожно поправил сползшее с моего плеча одеяло.

— Не вздумай больше так делать, — тихо сказал он, стараясь улыбнуться, но уголки его губ всё равно предательски дрогнули. — Я тебя, между прочим, еле поймал, а ты вообще не лёгкая.

— Спасибо, — прохрипела я, пытаюсь улыбнуться в ответ.

— Не за что, — фыркнул он, качнув головой. — В следующий раз предупреждай заранее, если решишь падать. Я хотя бы успею подготовиться.

Я мысленно усмехнулась. И только теперь заметила, что Питер всё это время продолжал молча смотреть на меня. Не смеялся. Не подкалывал. Просто смотрел. Потом медленно поднялся со стула, подошёл ближе и, сунув руки в карманы толстовки, негромко произнёс:

— Знаешь, Эльза... — он на секунду отвёл взгляд, словно подбирая слова, а потом снова посмотрел мне прямо в глаза, и в этот раз в его голосе не было ни капли привычной насмешки. — Не делай так больше, ладно? Потому что ещё одного такого дня я, кажется, не выведу.

#####

Дверь за ними закрылась удивительно тихо, хотя всего несколько минут назад в палате одновременно находились доктор Брукс, Лора, Питер, Джон и Майк, каждый говорил что-то своё, кто-то поправлял мою капельницу, кто-то проверял датчики, кто-то пытался пошутить, чтобы разрядить обстановку, а теперь вокруг вдруг стало так спокойно, что единственным звуком остался ровный писк монитора, кото-

рый терпеливо отсчитывал удары моего сердца, будто специально напоминая, что после сегодняшнего дня ему больше никто не доверяет.

Я медленно повернула голову к окну и устало выдохнула. На улице уже начинало темнеть. Осень вообще никогда не спрашивает, готов ли человек к её приходу. Она просто однажды приносит холодный ветер, листья под ногами и ранние сумерки, после которых кажется, будто день закончился раньше, чем ты успел хоть что-нибудь сделать.

Осторожно подняла руку, я рассматривая белые круглые датчики, приклеенные к груди, тонкие провода, тянущиеся к переносному монитору, и тяжело вздохнула.

— Ну вот, — пробормотала я, разглядывая всю эту конструкцию так внимательно, словно видела её впервые. — Теперь я официально человек-розетка.

Монитор тут же пискнул чуть быстрее. Я закатила глаза.

— Даже не начинай. Мы оба знаем, что драматизировать в этой палате имею право только я.

Цифры на экране снова изменились.

— Предатель.

Я устало откинулась на подушку и прикрыла глаза, но перед ними почти сразу возникло лицо доктора Брукса. За восемь месяцев я научилась понимать его почти так же хорошо, как собственное сердце, и именно поэтому сегодняшний разговор понравился мне меньше всего, потому что он почти не шутил.

Доктор Брукс вообще редко позволял себе выглядеть обеспокоенным. Обычно он обязательно находил повод съязвить, говорил, что мои анализы снова решили испортить ему настроение, ворчал на Лору за слишком крепкий кофе или называл меня самым упрямым пациентом во всём отделении, но сегодня, когда программатор закончил считывать память моего кардиовертера, он слишком долго молчал, внимательно рассматривая экран, после чего медленно снял очки, устало потёр переносицу и посмотрел на меня тем самым спокойным взглядом, который всегда означал, что дела обстоят намного серьёзнее, чем ему хотелось бы показывать. Я, конечно же, не удержалась. Спросила, неужели прибор наконец признался ему, что на самом деле главная проблема моего сердца — отвратительный характер хозяйки. Лора тогда даже тихо хихикнула. Доктор Брукс — нет. Именно это мне совершенно не понравилось.

Он очень спокойно объяснил, что причиной обморока стало нарушение ритма, которое успел зафиксировать кардиовертер, после чего долго рассказывал про какие-то показатели, эпизоды тахикардии и необходимость круглосуточного наблюдения, а я почти не слушала медицинские термины, потому что куда лучше слов понимала выражение его лица. Он переживал. И пытался сделать так, чтобы этого не заметила я. Не получилось.

Теперь несколько дней мне предстояло жить с этим монитором, который должен был следить за каждым ударом серд-

ца, словно я внезапно разучилась справляться самостоятельно, и доктор Брукс ещё раз, уже почти у самой двери, совершенно серьёзно попросил меня забыть про лестницы, любые нагрузки и мои любимые попытки доказать окружающим, что со мной всё прекрасно. Можно подумать, я специально упала в обморок посреди коридора исключительно ради того, чтобы разнообразить будни всего отделения. Я тихо усмехнулась собственным мыслям, но улыбка почти сразу исчезла.

Перед глазами неожиданно всплыло лицо Майка. Он ведь действительно уехал. Я сама провожала его, слушала, как Джон шутил про восхитительный ужин после обследований, а Питер пытался выяснить, привезёт ли тот что-нибудь вкусное обратно, и даже не думала, что через несколько часов снова увижу его возле своей кровати. Он вернулся. Не потому, что должен был. Потому что испугался. И это почему-то оказалось намного тяжелее самого приступа.

Я никогда не боялась собственных диагнозов так сильно, как боялась увидеть страх в глазах людей, которых любила. Болеть было проще. Проще пить таблетки, соглашаться на бесконечные обследования, терпеть капельницы, делать вид, что ничего особенного не происходит, чем однажды открыть глаза и увидеть, что Питер больше не улыбается, Джон перестал отпускать свои дурацкие комментарии, а Майк, который вообще не умел показывать эмоции, контролировал каждое своё движение. Конечно, я не умру. Ведь иначе, я

не рассказала бы вам эту историю. Но мне тогда было жутко страшно за всех этих людей.

Я медленно провела ладонью по одеялу и тяжело выдохнула.

— Молодец, Моррис, — тихо сказала я самой себе, рассматривая потолок. — Просто блестяще. Всегда мечтала собрать вокруг своей кровати столько народу.

Монитор снова тихо пискнул.

— Ой, да хватит, — устало пробормотала я, бросив на него недовольный взгляд. — Можешь не напоминать. Ты сегодня уже сделал всё, чтобы этот день запомнили не только мы с тобой.

Я замолчала, потому что неожиданно вспомнила Питера. Не его очередную нелепую шутку. Не привычную улыбку. Не очередное «Эльза», сказанное так, что хотелось запустить в него подушкой. Я вспомнила совсем другого Питера. Того, который несколько минут назад стоял возле моей кровати, засунув руки в карманы толстовки, будто не знал, куда их деть, и смотрел на меня так тихо и растерянно, словно действительно боялся, что я больше никогда не открою глаза. Именно этот взгляд никак не выходил у меня из головы. Я сердито натянула одеяло почти до самого подбородка и раздражённо фыркнула.

— Нет, даже не надейся, — пробормотала я, сама не понимая, обращаюсь ли к собственному сердцу или к тому нахальному идиоту с кислородной канюлей. — Мне вполне

хватает одного проблемного органа. Второй я заводить точно не собираюсь.

Но, как назло, именно после этих слов уголки моих губ сами собой дрогнули в улыбке. И это раздражало меня ничуть не меньше, чем сегодняшние анализы.

Глава 16

Настоящая поддержка не стирает боль, но делает её не такой одинокой.

Лора долго не хотела отпускать меня одну, и, если честно, я даже не удивлялась, потому что в последние дни она смотрела на меня так, будто я была не пациенткой с дилатационной кардиомиопатией, а маленьким ребёнком, которому нельзя выходить из палаты без сопровождения взрослого.

Сначала она встала прямо перед моей кроватью, скрестив руки на груди и всем своим видом показывая, что обсуждение закрыто ещё до того, как я успею открыть рот, потом несколько раз перевела взгляд на экран переносного монитора, который теперь сопровождал меня буквально везде, словно был моим новым раздражающим соседом по комнате, проверила давление, задала привычные вопросы о головном давлении, слабости и боли в груди, а после всего этого тяжело выдохнула и поправила ремень небольшого аппарата, висящего у меня через плечо.

— Десять минут, — строго сказала она, затягивая ремешок чуть удобнее и внимательно следя за тем, чтобы я не попыталась сделать вид, будто прекрасно могу справиться сама. — И только потому, что я знаю тебя достаточно хорошо и понимаю: если я сейчас скажу «нет», ты всё равно дождёшь-

ся момента, когда я отвернусь, и попытаешься сбежать без разрешения.

Я медленно закатила глаза, осторожно спуская ноги с кровати и стараясь не показывать, насколько неприятной была эта обычная процедура после нескольких дней почти постоянного лежания.

— Лора, — протянула я, придерживаясь рукой за край матраса, пока она помогала мне подняться, — у меня больное сердце, а не криминальное прошлое. Я не собираюсь выпрыгивать из окна и устраивать побег века.

Она посмотрела на меня с таким выражением лица, будто уже представляла именно такую ситуацию.

— Не уверена, — пробормотала она, поправляя мою кофту и проверяя, чтобы провод монитора не зацепился за одежду. — Иногда мне кажется, что с твоим характером ты вполне способна организовать побег даже из реанимации.

— Если понадобится, организую.

Лора только тяжело вздохнула и покачала головой.

— Вот именно поэтому я и иду рядом.

Я хотела съязвить в ответ, но вместо этого только тихо фыркнула, потому что внутри уже начинала появляться знакомая тяжесть, которая приходила каждый раз, когда моё сердце понимало, что я решила сделать что-то слишком обычное для здорового человека.

Палата Мии соседняя, буквально за стенкой, но каждый шаг давался чуть тяжелее, чем хотелось признавать. Ноги

быстро начали напоминать о слабости, сердце билось громче и быстрее обычного, а маленький монитор за плечом время от времени издавал короткий сигнал, заставляя Лору тут же поворачивать голову в мою сторону с таким взглядом, будто она была готова в любой момент схватить меня за руку и вернуть обратно в кровать.

Когда мы наконец дошли до Мии, она остановилась и повернулась ко мне.

— Если почувствуешь хотя бы малейшее головокружение, сразу зовёшь меня, — сказала Лора, загородив дверь одной рукой и внимательно всматриваясь в моё лицо.

— Хорошо.

— Эмма, я серьёзно.

Я устало посмотрела на неё.

— Лора, хорошо.

Она поджала губы, явно понимая, что спорить со мной бесполезно. Только после этого она наконец кивнула и медленно ушла по коридору, ещё несколько раз оборачиваясь через плечо, будто надеялась увидеть, что я передумала.

Я осторожно толкнула дверь палаты. Внутри было непривычно тихо. Не той спокойной тишиной, которая иногда появлялась вечерами, когда мы все сидели вместе, читали книги или смотрели фильмы, перебрасываясь глупыми комментариями, а другой — тяжёлой и незнакомой, словно сама комната ещё не успела привыкнуть к тому, что недавно произошло.

Мия лежала на кровати. Она была очень бледной после наркоза, лицо казалось слишком маленьким и уставшим, а губы пересохли настолько, что она время от времени машинально проводила по ним языком, даже не замечая этого движения.

Она не услышала, как я вошла. Её взгляд был прикован к одеялу. К той части кровати, где раньше под ним была нога. Я остановилась возле двери на несколько секунд, потому что именно тогда впервые по-настоящему поняла, насколько всё изменилось. Не на словах и не в медицинской карте. В этой комнате и на этой кровати.

Я медленно подошла ближе и осторожно опустилась на стул рядом с ней, стараясь двигаться как можно плавнее, потому что после короткой прогулки сердце всё ещё никак не хотело успокаиваться. Монитор за плечом тихо пискнул. Мия медленно повернула голову. Несколько секунд она просто смотрела на меня, словно пыталась понять, действительно ли я здесь, а потом снова перевела взгляд вниз. На пустое место под простынёй.

— Странно, — тихо сказала она, проводя ладонью по одеялу и едва заметно хмурясь. — Я ведь всё ещё её чувствую.

Доктор Брукс рассказывал нам про фантомные ощущения ещё до операции, объяснял, что мозг не может просто за несколько часов перестроиться и забыть о части тела, которая была с человеком всю жизнь. Но одно дело — услышать это во время обычного разговора с врачом. И совсем другое

— сидеть рядом с человеком, который пытается понять собственное тело заново.

Мия немного пошевелила пальцами руки, будто проверяя свои ощущения, а потом тихо нахмурилась.

— Мне кажется, будто пальцы на ноге замёрзли, — она попыталась усмехнуться, но улыбка вышла слишком слабой.
— Представляешь?

Я посмотрела на неё и медленно кивнула.

— Представляю.

Хотя на самом деле нет. Я не могла представить. И, наверное, никогда не смогу. Несколько секунд мы просто молчали.

За окном медленно падали жёлтые листья, где-то в коридоре смеялись медсёстры, проехала каталка, кто-то закрыл дверь процедурного кабинета, и больница продолжала жить своим обычным шумным существованием, словно не произошло ничего особенного. Только для одной палаты всё стало иначе.

Мия осторожно подняла руку и коснулась простыни там, где раньше была её нога. Пальцы дрогнули. Она тут же убрала руку, будто испугалась собственного движения. А потом неожиданно тихо спросила:

— Эмм...

Я повернула голову. Она долго молчала, глядя куда-то в сторону окна, и я уже решила, что она передумала говорить.

— Я красивая?

Я открыла рот, но слова не пришли сразу.

Потому что впервые за долгое время я действительно не знала, как ответить правильно. Не потому, что ответ был сложным. А потому, что любые слишком красивые слова могли прозвучать как ложь. Мия заметила моё молчание и грустно улыбнулась.

— Видишь...

Я сразу подняла взгляд.

— Даже не начинай.

Мой голос прозвучал жёстче, чем я хотела, но я не смогла остановиться.

— Ты прекрасно знаешь, что я ненавижу, когда люди начинают смотреть на меня с жалостью.

Она тихо вздохнула и повернула голову ко мне.

— Я тоже.

— Тогда не ищи её в моих глазах.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, а потом я осторожно накрыла её ладонь своей, чувствуя, какая она холодная.

— Посмотри на меня, — сказала я уже мягче, немного сжав её пальцы.

Мия нехотя подняла взгляд.

— Ты правда думаешь, что стала менее красивой из-за этого? — продолжила я, проводя большим пальцем по её руке, — если бы сегодня утром мне предложили поменяться с тобой местами, я бы не согласилась.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы кто-то прожил хотя бы один день с тем, что каждый день живёт внутри меня, — тихо сказала я, чувствуя, как после этих слов сердце снова начинает ускоряться. — Но и ты должна понимать, что никто не хотел бы оказаться на твоём месте сегодня.

Я глубоко вдохнула и на секунду закрыла глаза, пытаюсь успокоить неприятное давление в груди. Монитор снова тихо пискнул. Мия сразу нахмурилась.

— Эмма, — она посмотрела на меня с лёгким раздражением, которое было слишком похоже на моё собственное. — Ты устала.

Я привычно закатила глаза.

— Не льсти себе. Это моё сердце просто решило напомнить всем, что оно тоже участвует в разговоре.

На этот раз Мия действительно рассмеялась. И я поймала себя на мысли, что именно этот маленький звук был первым нормальным моментом за весь день. Потому что иногда мы не можем исправить то, что произошло. Не можем вернуть человеку то, что он потерял. Но можем хотя бы на несколько секунд вернуть ему ощущение, что он всё ещё тот же человек.

Я уже собиралась убрать руку с ладони Мии и подняться со стула, решив, что ей сейчас нужно немного побыть не только со мной, но и с собственными мыслями, когда дверь палаты тихо открылась, впуская внутрь знакомый силуэт

Сначала я даже не повернула голову, потому что в боль-

нице двери открывались и закрывались постоянно, а после нескольких месяцев здесь ты перестаёшь реагировать на каждый звук вокруг, но потом услышала спокойный голос, который невозможно было перепутать ни с чьим другим.

— Надеюсь, я не помешал.

Я посмотрела в сторону двери и едва заметно приподняла бровь. Майк стоял на пороге палаты, держа в руках небольшой букет цветов, который выглядел настолько непривычно в его руках, что я несколько секунд просто молча смотрела на него. Не потому, что цветы были странными. А потому что Майк был последним человеком, от которого я ожидала увидеть что-то настолько очевидное. Мия тоже заметила его, и я сразу увидела, как её выражение лица изменилось. Всего на секунду, но этого было достаточно. Она попыталась сохранить привычное спокойствие, но её щёки предательски порозовели, и я едва удержалась, чтобы не улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.